По ту сторону жизни

Автор:
Андрей Ильин

По ту сторону жизни

Андрей Александрович Ильин

Обет молчания #18

50-е годы прошлого века. Страна в кризисе и ожидании смены правления. Сталин начал очередную перетасовку кадров. Руководители высших уровней готовятся к схватке за власть и ищут силу, на которую можно опереться. В стране зреют многочисленные заговоры. Сталин, понимая, что остается один против своих «соратников», формирует собственную тайную службу, комплектует боевую группу из бывших фронтовых разведчиков и партизан, которая в случае возможного переворота могла бы его защитить. Берия, узнав о сформированном отряде, пытается перехватить инициативу. Бойцы, собранные по лагерям, становятся жертвами придворных интриг…

Андрей Ильин

По ту сторону жизни

© А. Ильин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Предисловие

Собрались на Ближней даче, под самое утро. Все пребывали в изрядном подпитии, но были еще бодры. Двигая стульями, расселись вдоль стола, на котором против каждого места стояли бутылки с винами и тарелки с закусками. Во главе стола сел «Хозяин». Все были оживлены и гомонили, обсуждая недавний банкет и делясь какими-то кремлёвскими сплетнями.

У дверей застыли немыми истуканами пара официантов с тележками, готовые в любой момент сменить блюда или принести вина, взгляды их были отрешённые, они ничего не видели и не слышали. Потому что не должны были. Может, они даже были глухонемые, потому что никогда рта не открывали.

Присутствующие гости расстёгивали воротники и распускали ремни, готовясь к продолжению праздника, по случаю дня рождения Ворошилова.

«Хозяин» звякнул вилкой о стакан. И все осеклись.

– Налэвайте.

Налили. Замерли.

– Хочу поднять этот бокал за тебя, дорогой Климент, чтобы всё у тебя было лучше всех. Как говорят у нас на Кавказе – будь быстр как барс, хитёр как лисица и летай высоко как орёл.

– Спасибо, Коба!

Все разом встали, стуча стульями, подняли рюмки, выпили, заговорили:

– С днём рождения, Климент…

– Сто лет живи, а потом еще сто…

Хозяин сел.

И все сели.

Звякнули вилки и ножи.

Потом были еще тосты. Сухие вина из кремлёвских погребов были почти без градуса, но когда пьёшь весь день, вечер и ночь – всё равно забирает. Физиономии гостей краснели, языки развязывались.

«Хозяин» пил любимое «Карталинское» тридцатиграммовым стаканчиком и смотрел, и слушал, улыбаясь в усы.

Он вообще любил слушать…

– Тост, у меня тост! – крикнул, вставая, Хрущёв.

Его потянули было за рукава назад, но он вырвался, повернувшись всем корпусом к «Хозяину».

– За нашего вождя и победителя, великого товарища Сталина!

Все вскочили, подняв рюмки. Хрущёв всхлипнул, утёрся рукавом и сказал:

– Как мы будем без тебя, дорогой ты наш Иосиф Виссарионыч? Сиротами станем!

И все мгновенно умолкли. И рюмки замерли в руках, не донесённые до рта.

Не так сказал Хрущ. И не то. Простой мужик, от сохи, вечно что-нибудь сморозит. Да еще, спьяну назвал товарища Сталина по имени отчеству, что было не принято и «Хозяину» не нравилось.

И всё вокруг замерло в ожидании. Потому что никто не знал, что за сим последует. И Хрущёв, что-то такое сообразив, закрутил головой и пошёл от шеи пятнами.

Генералиссимус усмехнулся, глянул на своих сподвижников, но глаза его не улыбались. Глаза его были ясны и остры.

– Хороший тост, – сказал он. – Но только это не скоро будет. Я еще всех вас похороню. На Кавказе долго живут! Пейте, пейте… За мое здоровье пейте. И ты, Никита, пей!

Хрущёв, быстро опрокинул рюмку. И все за ним. И тихо опустились на стулья, уперев глаза в тарелки.

«Хозяин», не торопясь, встал, отошёл к окну, закурил трубку. И пауза тянулась и томила.

– А вы чего сидите? Сегодня хороший день, сегодня день рождения лучшего друга советских спортсменов, нашего дорогого товарища Ворошилова. Пейте, кушайте, – приветливо сказал товарищ Сталин. – Вы мои гости, чувствуйте себя как дома. На Кавказе, кто не пьет и не ест в гостях, тот наносит хозяину дома обиду. – И тихо, в усы, проговорил: – Смертельную обиду…

Но эту, последнюю, фразу никто не услышал.

И все вздохнули с облегчением и стали пить и закусывать. А «Хозяин», стоя у окна и затягиваясь, смотрел сквозь клубы дыма на своих веселящихся друзей-сподвижников. На всех. И на каждого. И взгляд его был совершенно трезв…

* * *

Разговор был приватный, без свидетелей. Охрана осталась там, за дверью.

Один собеседник сидел в кресле, привалившись спиной к спинке и вертя в пальцах потухшую трубку. Другой стоял перед ним по стойке «смирно».

– Хочу поручить тебе важное дело. Мог поручить другому, но поручу тэбе. Если, конечно, ты никому о нем не расскажешь, потому что это будет наша с тобой тайна. Моя и твоя. Не подведёшь товарища Сталина?

– Что вы… То есть – никак нет!

Человек с трубкой внимательно глянул на собеседника.

– Тебя ведь Александром зовут? А по батюшке как?

– Михайлович.

– Хорошее имя, русское. Отец – сибиряк?

– Да. Из-под Томска.

– Бывал там, проездом. На каторгу. И когда бежал.

Александр слушал, тараща глаза на собеседника, который был Отцом Народов и его Верховным Главнокомандующим, а теперь в шаге от него, так что рукой пощупать можно.

– Верю тебе, Александр Михайлович. Зачем тебе говорить другим о моей просьбе, ты же не женщина, чтобы сплетничать.

– Так точно!

– Нужны мне люди, хорошие, которых подберёшь мне ты. Такие, что огонь и воду прошли. Офицеры, может быть, фронтовики. Но не из этих, – обвел пальцем вокруг. – Подбери кого-нибудь из тех, что не при деле, хоть даже они теперь сидят. Посмотри дела, полистай.

– А кого искать-то? – растерянно спросил Александр Михайлович. – Их же много сидит.

Собеседник поморщился.

– Извините, товарищ Сталин, я не то хотел сказать! – стушевался офицер. – Просто, если искать, если непонятно кого…

– Я же говорю – смышлёных подбери, с образованием, с опытом боевым, разведчиков или командиров, с наградами боевыми, чтобы не штабисты. Тех, что сами через линию фронта ходили, а не бумажки на столах перекладывали.

– А если они враги народа, то как же? Они же там все…

– А ты таких подыщи, которые не замарали себя. Человек тридцать – сорок. Справки наведи, кто они такие, где служили, чем отличились. С их сослуживцами поговори…

– А что мне моим начальникам непосредственным сказать?

– Ничего не говори. Никому. Отпуск возьми. А на месте объясни, что товарищ Сталин об одолжении попросил, маленьком, что ищет родственника какого-то. Понял, Александр Михайлович?

– Так точно!

– Тогда ступай. А я кому надо позвоню и записочку напишу, чтобы тебе препятствий не чинили. Езжай к себе в Сибирь и там всё узнавай. А этим… – опять обвёл вокруг себя пальцем. – Ничего не говори. Зачем им знать. Не надо им знать. Могут же у товарища Сталина быть его маленькие личные секреты. Езжай, Александр Михайлович…

* * *

Звонок телефона. Одного среди многих. Но не простого, того самого – кремлёвской «вертушки». Кто бы это? А вдруг сам Абакумов!

Тренькает звонок. Смотрит на него хозяин кабинета как на гадюку ядовитую, взять в руки не решается. Не приходится от таких звонков ничего доброго ожидать, не станет кремлёвское начальство просто так звонить в далёкую Сибирь.

Эх!.. Поднять трубку.

– Слушаю!

– Здравствуй, товарищ.

Что?.. Кто?!.. Нет, не Абакумов. Это сам товарищ Сталин!

Враз вспотел хозяин кабинета, лысину и лицо платочком промокнул. «Хозяин» на проводе!

– Слушаю, товарищ Сталин!

– Как живёшь-можешь, Григорий Михайлович?

– Спасибо, товарищ Сталин, хорошо.

– Просьба у меня к тебе небольшая будет. Человечка к тебе направлю, прими его, помоги, чем сможешь. Хороший человечек. Нужный.

– Так точно, сделаю товарищ Сталин. Чем смогу – помогу! Только чем?

– Он сам скажет. Людей ему найти надо, дела их посмотреть, допросить. Проглядели мы их, Органы проглядели. Не по тем статьям привлекли. Враги они советской власти, которые овечками прикинулись, следствие обманули. Мы теперь их найти должны и привлечь по всей строгости социалистической законности. Он с ними поработает и заберёт у тебя.

– А… А товарищ Абакумов знает?

– Зачем товарища Абакумова по таким пустякам тревожить? Не надо. Пусть это будет наш с вами маленький секрет.

– Но документы…

– Ты сам подумай, как сделать, ты же в Органах не первый год. Дело важное, государственное, а ты бюрократию разводишь. Нехорошо…

– Так точно, сделаю!

– Надеюсь на тебя, Григорий Михайлович…

Гудки.

Стоит Григорий Михайлович ни жив ни мёртв. Так попал! Между молотом и наковальней. С одной стороны – всемогущий Абакумов, с другой – сам товарищ Сталин. Но «Хозяин» пострашнее будет, потому как Абакумов под ним ходит. Все они под ним ходят, вся страна! «Хозяин» на расправу крут и быстр – сегодня ты министр, а завтра зэк безродный. Ослушаться его… Нет, лучше промолчать и всё сделать. Авось, пронесёт…

* * *

Дела, фотографии, протоколы, справки, показания…

Десятки страниц…

Сотни дел…

И как «Хозяину» угодить, непонятно. Кого подбирать, чтобы он доволен был, когда не понятно для чего они ему нужны?

В сторону пачку просмотренных дел.

– Еще тащите. Здесь нужных нет.

И особист тащит новую кипу, подбородком в верхние упираясь, чтоб дела не рассыпать. И гадает: за каким этому офицерику, аж из столицы самой, его зэки понадобились? Но спрашивать о том не приходится, а приходится исполнять, хоть приезжий ниже его по званию. Потому как приказ от верхнего командования поступил, чтобы помогать всячески, лишних вопросов не задавать и вообще не мельтешить…

– Следующих давай…

* * *

Тёмен барак. Темна и беспросветна жизнь зэка.

Справа, слева храпят на нарах, стонут во сне заключённые, кутаются в телогрейки, которые ни днем ни ночью не снимаются. Люты в Сибири морозы, а печка в бараке одна, вон она, светится в конце прохода алым, стреляет из топки искрами, труба гудит. Там хорошо. Там тепло. Но там, вокруг печи, блатные. Ближние аж фуфайки скинули, в одних майках сидят. А сюда тепло почти не доходит – стены инеем взялись, волосы к утру к нарам примерзают, так что их с хрустом отрывать приходится.

Сосед справа, старичок благообразный, из староверов, уже не стонет и не ворочается, хотя с вечера хрипел и кашлял надрывно – похоже помер, отправился к богу своему на жизнь земную сетовать. Аминь ему пришёл. Ну да пусть до утра лежит, в такой морозяке не протухнет, а от ветра холодного, что сквозь стекло битое задувает – прикроет. А еще можно ему ватничек расстегнуть, да полу на себя накинуть, всё теплее будет. Хорошее дело напоследок преставившийся сделает. А можно в карман залезть, вдруг там хлеба корочка сыщется – ему-то он уже без надобности… Дурное дело, на фронте за такое враз бы в рыло схлопотал, но здесь деваться некуда, здесь гордость – побоку, здесь выживать надо.

Уснуть бы теперь. Да не идёт сон.

Голоса у печки, блатные в карты играют, на интерес. Шумят, ржут, матерятся… Им утром в тайгу лес валить не идти, они все при должностях хлебных или в законе. Их начальство не трогает. Такая несправедливость! Зэки, чуть не половина, полновесной ложкой войны хлебнули, в окопах гнили, вшей «на передке» кормили, в дырках все от пуль, осколков и штыков, что твой дуршлаг, а эти на зоне подъедались, хари наели, аж лоснятся. И ничего с тем не поделаешь. Встать бы, да разбор им учинить. Кровавый. Только где сил взять – добрести до печки еще можно, а дальше что? Толкнут в грудь и упадёшь ты, как трухлявый ствол, навзничь. А могут и зарезать. У них у каждого заточка в кармане имеется, которую отчего-то при шмонах никто найти не может.

Нет, не получится. Только если смерть принять быструю и лёгкую.

Такая жизнь. А лет семь назад казалось, что хуже фронта ничего быть не может. Ан, нет. Взяли тебя под белы рученьки, начистили рожу в особотделе и

трибуналом полевым, по-быстрому на зону отправили. А здесь… На фронте всяк перед смертью равен. А взводный или ротный, так равнее других, потому как их первых снайперы и пулемётчики выцеливают. Да и солдат не беззащитен, винтовка у него или ППШ, и может он запросто в командира своего во время атаки шмальнуть. Кто там разбираться будет? И хоть трудно и голодно иной раз и страшно, но только все перед тем голодом и страхом равны! А на зоне – нет. На зоне одни жируют, а другие доходят. Одни картошечку в жиру плавающую жрут, а другие – баланду пустую из капустных листьев. А после норму дают. Обидно это так, что руки опускаются и фронт тот вспоминаешь как счастье!

Спать, надо спать. Сон единственное прибежище зэка, где он от действительности спрятаться может. Хотя и там корки хлебные снятся и морды сытые блатарей.

Спать, все-таки спать… Утро вечера мудренее…

Хотя ничего утром не изменится, всё то же самое будет, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. И мотать тот срок еще шестнадцать лет с гаком, коли добрый прокурор сверху пятерик не накинет. Такая жизнь, что смерти хуже…

Стонут зэки, ворочаются, кутаются в телогрейки и рванину одеял, кричат в полудрёме. И нет их душе покоя ни во сне, ни наяву. И есть только один выход, только один путь к избавлению от каждодневных мучений – смерть…

* * *

Дела разложены стопкой на столе. В каждую папочку вложен лист с комментариями, написанными от руки. «Хозяин» тянется к стопке, берет папочку, открывает, пролистывает. Читает медленно, вдумчиво, что-то отчёркивая ногтем. Он всё так читает, сотни томов комментариями на полях исписал. Нет у него образования, кроме как семинарии, вот он и добирает, чего в молодости не успел. И как только всё успевает, когда ночь напролёт страной рулит, в кабинет свой наркомов толпами сзывая, а утром уже на рабочем месте. И вся страна так трудится, ни днём ни ночью отдыха не зная…

Отложил папочку, закрыл. Следующую взял.

Офицер, полковая разведка, двенадцать раз за линию фронта ходил, лично на горбу трёх «языков» притащил, два раза ранен. За что сел? Вышестоящему командиру морду в кровь разбил. За это был приговорён к высшей мере, но помилован и отправлен в штрафбат. Попал в плен, бежал, за это, по совокупности всех своих грехов, получил десять лет. На зоне вступил в конфликт с начальством, применил в отношении них силу и получил еще десятку.

Лицо на фотографии? Умное и злое…

Дальше.

Подполковник, морпех, три десанта, ранения, контузия. В штабах не засиживался, лично в атаку морячков своих поднимал, четыре раза в рукопашке с противником схватывался, в последней десять фрицев штыком и прикладом уложил, троих в плен взял. Боевой мужик. В одном из десантов, после гибели командира, принял на себя командование полком и лично разработал и осуществил операцию, позволившую удержать и расширить захваченный плацдарм. За что был представлен к званию Героя, но… Отмечая это дело, по пьяни, ругательски ругал верхних командиров и самого товарища Сталина. Ай, как нехорошо… самого товарища Сталина! Разжалован, лишён наград, отправлен в лагерь… В лагере получил сверх срока пятнадцать лет, убив двух блатных, защищая какого-то моряка-зэка…

Образование? Хм… математик. Значит, логика имеет место быть – отчеркнуть ногтем.

Кто еще?

Армейская разведка. Начинал с батальонной. Девять раз ходил через линию фронта, устраивал засады, притаскивал «языков», включая какого-то важного подполковника. Ни одного ранения и даже царапины! Редкий везунчик – два состава батальонной разведки пережил… На личном счету двадцать семь немцев, из подтверждённых. Отлично владеет стрелковым и холодным оружием. В одиночку, при возвращении с задания, захватил дот, уничтожив семерых противников, поддержав тем атаку стрелкового батальона. Герой! Ордена, медали, благодарности… Но на десятой ходке получил осколочное ранение в руку. Отстреливаясь от фрицев ушёл в лес, глубоко в немецкий тыл, где

прибился к партизанам. Три месяца воевал, при атаке на немецкую комендатуру был ранен, попал в плен, через месяц бежал, убив конвоира. Из слоняющихся по лесам красноармейцев и местных жителей сколотил отряд, где стал командиром. Нападал на немецкие разъезды, жёг комендатуры, рвал поезда. При соединении с регулярной армией проявил строптивость, отказавшись сдавать личное трофейное оружие. Вступил в конфликт с особистами, двух из них покалечил. Дальше понятно – приговор и Сибирь…

Образование? Филологическое. Хорош филолог, который челюсти с одного удара сворачивает!

Лицо открытое, располагающее. Хотя на фото всё в синяках и кровоподтёках.

Дальше…

Дальше…

Дальше…

Перекладываются папочки. Справа убывают, слева – растут.

Читает «Хозяин», лица рассматривает, ногтем чиркается. Прочитает – отложит папочку, другую возьмёт…

Не папки – судьбы справа налево перекладывает.

* * *

– Этого… Этого… Этого… Этого… И этого…

Пять папок легли в сторону.

– Привезёшь их в Москву. По одному. Зачем им встречаться, зачем разговоры говорить? Привезёшь, поселишь на Петровке или в Столешниковом переулке, поближе к Большому театру. Квартиру снимешь большую, чтобы семь-восемь комнат. Каждому комнату дашь, и чтобы не выходили. Продуктов купи

побольше. Пусть живут, спят, отдыхают.

– А если они в туалет захотят?

– Зачем такой непонятливый? Ведро возьми, в углу поставь. Я при царском режиме в тюрьмах в ведро ходил. Ведро полное станет – вынесешь.

– А если кто-то придет?

– Ты почему такой боязливый? Почему боишься всего? Если кто-то придёт – не открывай. Пусть стучат. Тихо сидеть будешь – кто придёт, никто не придёт!

– А долго нам там… жить?

– День, два, три. Ты мне номер квартиры скажешь, и ключ дашь от чёрного хода. Я оттуда приду. Сам приду. Только ты никому не говори.

– Так точно, товарищ Сталин!

– Тогда ступай! Эй, стой, деньги возьми квартиру снять.

– У меня свои есть.

– Зачем свои, не надо свои. Мои возьми. Товарищу Сталину чужие деньги не нужны…

* * *

Балет в Большом. Премьера. Зал заполнен до отказа. Всё больше генералами, адмиралами и полковниками. И еще охраной, которая бдит.

Потому что члены ЦК и правительство любят искусство и актёров, и актрис. Жалует и привечает всячески. И премьер не пропускает.

В главной ложе Сталин, Молотов, Микоян и другие известные всей стране персоны. И начальник охраны Власик, который не спектакль сюда пришёл смотреть, а товарища Сталина от злодеев оберегать, потому как перед ЦК головой за него отвечает. А империалисты всего мира не дремлют, об одном мечтают – лишить страну Советов ее Вождя.

Прибегают офицеры охраны, докладывают:

– Чердак в порядке.

– Подвал осмотрели.

– Гримёрки и сцена проверены.

– На колосниках никого.

– Прилегающие улицы прикрыты нарядами милиции…

И вдруг:

– Там машина…

– Какая?

– Товарища Сталина. У служебного входа стоит.

– Зачем? Кто распорядился? Убрать машину!

– Никак нельзя. В ней водитель. У него бумага.

– Что за бумага?

– С подписью «Хозяина». Он велел машину у служебного входа держать, никуда не отлучаясь.

Начальник охраны осёкся.

– Ничего не путаешь?

– Никак нет. Вы спросите у самого…

– Ты что, охренел? Сейчас спектакль начнётся…

Но, с другой стороны, куда деваться? Не порядок, когда машина и не понятно зачем. Выдернуть бы водителя, да спросить… Но подпись. Она как охранная грамота, которую не перепрыгнешь. Против Его воли идти себе дороже, вмиг на Соловках окажешься или в Магадане.

Зачем машина? Зачем у служебного входа?

Не прост «Хозяин» и не из железа сделан, хоть и Сталин он, но свои личные тайны у него имеются, в которые лучше никого не посвящать, даже охрану. Много чего Власик знает, чего другие не знают, но о чем молчать он будет, хоть клещами его рви. Но и он всего не знает!

Но как тут быть? Придётся тревожить «Хозяина», придётся спрашивать, хоть и коленки трясутся.

– Товарищ Сталин… – тихим шёпотом из-за спины.

– Чего тебе, Власик?

– Там машина. Ваша.

– Ну?

– И водитель. Говорит, вы распорядились.

– Машина? Ну, пусть стоит. Если есть машина, то, значит, для чего-то нужна. Зачем мешаешь спектакль смотреть? Ступай.

На цыпочках уходит начальник охраны, весь в поту и сомнениях. Но понимает. Понимает, что надо держать язык за зубами, чтобы никто из ближнего

окружения «Хозяина» о той машине ничего не узнал.

Подозвал охранников, приказал:

– К машине не подходить. Убери оттуда всех. Хотя – нет. Оставь кого-нибудь одного подальше. На всякий случай. И где-нибудь боевую группу схорони.

– А если…

– А если Самого увидишь, глаза закрой и под половичок залезь. Или я тебя сам – и каблуком придавлю. Всё, дальше моя работа будет. И чтобы – никого!

Идёт спектакль своим чередом. Балетные танцуют, зрители на сцену смотрят и в полглаза в ложу, где генералиссимус сидит, а за ними охрана в штатском с театральными биноклями зорко следит.

Первый акт.

Второй…

В начале второго акта «Хозяин» встал с кресла. Сказал негромко друзьям-приятелям:

– Я сейчас вернусь.

Вышел из ложи. За ним начальник охраны.

– Ты куда, товарищ Власик? Смотри спектакль. Хороший спектакль. Зачем за мной идёшь?

– Но…

– Э-э… Может, я с красивой дэвушкой встречаться хочу. С балериной. Замужней. Зачем тебе ее смотреть? Может, я хочу ей спасибо за балет сказать, а тут ты рядом в сапогах стоять будешь. Неудобно. Честь дэвушки. На Кавказе за такое знаешь, что бывает!

– Но, товарищ Сталин, ваша безопасность…

– Что безопасность? Здесь театр, храм искусства. Балет. Зачем бояться? Зачем ты всегда боишься? Ничего с товарищем Сталиным не будет. Убери своих держиморд. Что вы как жандармы царские…

Дёрнулся было Власик, но осадился, взгляд «Хозяина» поймав.

Идёт товарищ Сталин по театру. Один. Может, и точно на романтическое свидание. Ведь мужчина он горячих кавказских кровей. И женщины любят его, все женщины Советской страны. Любая счастлива будет, если хоть взглянет на нее.

Подозвал билетершу. Ткнул пальцем в программку, в фамилию чью-то.

– Позови мне вот ее.

– Но она в третьем акте танцует.

– Танцует, не танцует. Пусть другая танцует, у нас незаменимых людей нет. Даже артистов. Скажи, пусть идёт сюда. Быстро идёт.

– Но она в гриме и костюме.

– Пусть как есть идёт. Плащ накинет и идёт. Товарищ Сталин ждать не может!

Через минуту запыхавшаяся балерина выскочила в вестибюль. Присела в полупоклоне. Потому что была в средневековом платье.

– Какая симпатичная балерина, – улыбнулся генералиссимус. – Сейчас поедем со мной. Тут недалеко. Вы не против? Или, может быть, боитесь товарища Сталина?

– Нет, нет, – замотала головой балерина.

– Тогда пошли. – И не оборачиваясь, и не прислушиваясь к шагам, Сталин пошёл вперёд, так как был уверен, что девушка последует за ним.

Спустился на первый этаж. Вышли к машине.

– Садитесь.

Девушка прыгнула внутрь. Как весенняя бабочка.

– Поехали. – Сталин назвал адрес.

Ехали всего три минуты. На Петровке водитель свернул в арку, чуть проехал и остановился подле черного хода.

– Ступайте за мной.

Балерина растерянно улыбнулась, кивнула, потому что совершенно не знала, как себя вести – радоваться ей или бояться. Наверное – радоваться, потому что сам товарищ Сталин. Но, с другой стороны, у нее был жених. Правда, что он может сделать, даже если узнает – только проглотить обиду. Или ехать танцевать в Магадан.

Сталин толкнул дверь чёрного входа, пропустил балерину, которая побежала наверх, цепляясь пышной юбкой за выгнутые узоры перил, стуча о ступени жёсткими мысками пуант, которые второпях забыла снять.

В полной темноте поднялись на третий этаж. Сталин открыл дверь. Сказал:

– Сидите здесь, на стуле. Ждите меня.

Девушка покорно села.

Товарищ Сталин прошёл по кухне в коридор. Где его встретил Александр Михайлович.

– Всё в порядке?

Офицер быстро-быстро закивал.

Всё это было странно и тревожно – квартира, чёрный ход и Сталин. Сам. Без охраны и сопровождающих лиц.

– Я сяду в той комнате, ты разговаривай в этой. С каждым по очереди. И дверь открой, чтобы я слышал и видел. Вот вопросы. Прочитай.

Александр Михайлович быстро пробежал по листку глазами. Кивнул. Открыл ключом первую дверь, вызвав зэка.

– Сюда… Садитесь. Лицом к двери. Я по поручению… Не важно кого. Мне нужно задать вам несколько вопросов. Отвечать чётко и громко.

Ошарашенный зэк смотрел на офицера. Он ни черта не понимал, как и другие. О чем только он не думал не гадал, когда его с зоны выдернули и, ничего не объясняя, сунув в машину, привезли на аэродром. И после, в самолёте, и в бане, где он, мыла не жалея, скрёбся и мылся, и когда его в пиджак гражданский обрядили.

Но такое! Чтобы Москва! Центр, откуда до Кремля подать. И кровати с простынями, и еда на столе – ешь не хочу.

– Расслабьтесь, что вы как соляной столб?

Да как же расслабиться, когда такой быстрый переход, когда только что из тундры, с нар, от баланды и вшей. Когда пули в затылок ждал или иного подвоха, но точно не крахмальных наволочек.

– Представьтесь, кто вы?

На «вы»?! Не кулаком в рыло, не матом в уши… На «вы»!

– Я? Полковник. Армейская разведка… То есть, извините… Заключённый номер… статья… зона…

– За что сели? Советскую власть не любите?

– Никак нет! Я за нее кровь проливал. Три ранения имею. Не любил бы, к немцам перебежал.

– А за что срок получили? Наши Органы не ошибаются.

– В плену был.

– Плен нехорошо. Офицер не должен попадать в плен. Белые офицеры пулю себе в лоб пускали.

– Я контужен был.

– Ладно, то дело былое. Хочу побеседовать с вами. Правильно скажете, обратно на зону не поедете. Поэтому отвечать надо честно.

– Так точно!

– Не орите, я не глухой. Скажите, если предложить вам службу, которая предназначена для охраны важных персон, вы согласитесь?

– Каких «важных»?

– Например, из Кремля.

Напрягся зэк. Черт его знает, что за этим предложением стоит. Не верят зэки никому и ни во что – отучились верить. Потому что лупила их жизнь куда и чем ни попадя кулаками следователей и дубинками надзирателей, так что все надежды соплями кровавыми вышли. Ни ждут они ничего хорошего от жизни. Кого охранять, зачем? Кремлёвских товарищей вся страна стережёт пуще глаза, и армия, и МГБ, и милиция… Всяк их защитит и от пуль закроет, жизни своей не щадя. О чем тогда он? Думать, думать надо, мозги напрягая, пусть хоть закипят они! Ответить осторожно:

– Я не знаю. Я готов. Но справлюсь ли, ведь их МГБ охраняет…

– МГБ, а теперь еще другие им в помощь, которые с опытом боевым.

Забегали глазки у зэка. Чтобы с нар, да во всемогущее МГБ попасть, который тот же НКВД, что людей пачками в распыл пускал, рвы расстрельные наполняя! Что там простому заключённому делать?

– Еще вопрос. Как сделать так, чтобы бойцы не предали своих?

– Да как же можно? Чтобы вождей, любимцев народа?! Это… это невозможно!

– Но если представить, что возможно. Если враг ключик к ним подбирать станет? Человек – не камень, всяк свой предел имеет. Охранка царская революционеров, товарищей испытанных ломала, к предательству склоняя. Как с этим быть?

– Тогда нужно таких людей подобрать, которые…

– Это не ответ. Каждому в душу не залезешь, а враг изощрён и коварен. Как уберечься от предателей? Подумайте, скажите…

– Тогда надо… Надо подписки брать и расстреливать, как на фронте… Когда с позиций бежали… Перед строем, без суда и следствия в затылок…

Плохой ответ, без фантазии.

Следующий…

– Кто такой?

– Зэка номер…

– А раньше, до посадки?

– Максимов Пётр. Капитан второго ранга. Морская пехота.

– А… Это ты товарища Сталина ругал? Зачем ругал? Что тебе товарищ Сталин плохого сделал – жену твою соблазнил или кошелёк украл? Скажи.

Опустил голову повинно морской пехотинец, герой десантов и рукопашных, который грудью на пулемёты ходил. А тут стушевался. Потому что не морпех уже и не герой, а зэк, из которого весь героизм его следователи на допросах выколотили.

– Не было такого! Я за товарища Сталина жизнь! Я в атаку с именем его…

– Зачем врёшь? Зачем отпираешься? Нехорошо. Органы всё знают. Ругал ты товарища Сталина матерными словами и морскими выражениями. Вот тут показания есть. Зачитать?

– Не надо! – испугался до испарины моряк. – Пьяный я был. Не помню ничего. Мы там канистру спирта нашли, чтобы отметить.

– Отметили?

– Да.

– Боевой офицер, а такие слова… Готов искупить?

– Так точно! Не щадя жизни!

– Служить в охране будешь…

Слушает морячок, ушам своим не верит. Охрана вождей… Да хоть кого! И его в нее!.. Зэка? Который три дня как с нар! Что за ерунда? Не может такого быть. Не может! Но только офицерик этот всерьез говорит и смотрит испытующе! Не мираж он морской, не бред… И за окном не тундра, а Москва.

– Что уметь ты должен, чтобы…

– Стрелять, приёмами рукопашного боя владеть и еще ножом…

– Это понятно. Это азбука. Аз, Буки, Веди… А что еще?

Думает морячок, напрягается, кулаки мнёт, губы закусывает.

– Маскироваться уметь. Везде, хоть в поле, хоть в городе. Чтобы в упор меня… Если следят за мной – увидеть, распознать. И самому уметь так идти, чтобы незаметным быть.

Дело говорит морячок.

– Машину водить, хоть даже самолёт или катер. Или прыгать на ходу с поезда или из окна дома, чтобы ноги не сломать.

– Зачем это?

– Не знаю, – честно пожал плечами моряк. – Но если погонятся за мной или я за кем-то… И чтобы страха не было. Мы новобранцев перед десантом так гоняли, чтобы они с борта в полной выкладке – на мелководье. А если не уметь, поломаться можно.

– Еще.

– Наверное, химию знать.

– А это для чего?

– Если его… Если человека, которого охранять, отравить захотят, то надо по виду или запаху увидеть и понять или реакцию какую сделать, чтобы яд проступил… И еще мины находить и обезвреживать любые… И помощь медицинскую оказать, если что, хоть даже пулю вынуть или осколок…

Не дурак морячок. И сочинитель.

Следующий…

– Что должен иметь боец?

– Оружие индивидуальное, хорошо пристрелянное, чтобы не передавать никому. Нож метательный. Гранату, может быть. Аптечку первой помощи. Документы, чтобы любой подчинялся и содействие оказывал.

– А если не будет документов? Пока.

Растерялся майор – как же без документов, когда в стране шагу не ступить без «корочек». Нужны они. Без бумажки ты букашка… Стоит, моргает.

– Нужны документы! Хоть какие-нибудь. Даже блатные в бегах без паспортов с хат на божий свет не выбираются. Хоть даже поддельных, хоть украденных у фраеров, иначе тебя первый же мент заметет.

Молчит офицер, слушает.

– Если товарищ твой предаст, а ты узнаешь, что делать будешь?

– Порешу вот этой собственной рукой.

Хороший ответ, но неправильный. Не убивать должен, доложить по команде, чтобы в разработку приятеля взять, ниточку потянуть…

Следующий…

Всех прослушал, по комнатам развел. Последнего, когда выводил и по коридору сопровождал, мимо распахнутой двери провёл. Близко. А там тень неясная, и огонек тлеет, как будто курит кто. И дымом тянет. Огонёк тлеет, а над огоньком усы знакомые, как на портрете! Остолбенел зэк, встал, как вкопанный. Неужели?! Или показалось?

– Пошел, не стой! – толкнул его в спину офицер.

Но долго еще бедному зэку мерещилась сгорбленная фигура, трубка, огонёк и усы…

Сидит товарищ Сталин трубку курит, думает. О чем? Кто знает, кто в голову «Хозяину» влезть может. Изворотлив ум его, иначе на троне не усидеть. А он сидит, как врос! Сколько раз, да какие повороты закладывал, от которых дух у всей страны перехватывало. Сколько ловушек обошел, чутьем звериным подвох чуя, в скольких друзьях врагов распознал. И теперь вот что-то задумал.

Посидел. Встал. Ткнул пальцем в два дела.

– Вот этих – освободить. Вчистую… – подумал мгновение. – А лучше так: списать их по смерти через санчасть от какой-нибудь болезни. Новые документы выправить и на квартиры поселить отдельные.

– Охрану приставить?

– Нет. Пусть живут, пусть ходят, привыкают к гражданской жизни. Хороший человек должен жить свободно. Некуда им бежать, только обратно на нары. Сбегут – хорошо, других найдем. И их – найдем. Неделя пройдет, в лагеря поедете, будут они тебе помогать людей искать. Я тебе скажу каких.

– А остальных? Тех, троих. Их тоже на квартиру?

– Нет, – покачал головой товарищ Сталин. – Их обратно под стражу. Не туда, в другой лагерь, там, где долго не живут, где Лаврентий уран добывает. Или… – Раскурил трубку, спрятал глаза за дымом. – Или пусть при попытке к бегству… Побегут они, а конвой стрелять станет. Такая судьба…

Александр Михайлович судорожно кивнул.

– Враги они. Народа. Страны. И товарища Сталина. Проглядели их особисты, когда срок давали. Не перевоспитаются они. Таких надо к высшей мере приговаривать.

– Но как же, если суд?

– Вам что, сло?ва товарища Сталина мало? Или вы считаете, что он ошибается? Что он не умеет отличать друзей от врагов?

– Никак нет!

– Тогда идите и исполняйте. Мы не должны жалеть преступников, которые угрожают нашему строю и нашим людям. Мы должны быть к ним беспощадны. Так нас учил товарищ Ленин. И не надо с этим делом тянуть, пока они не сбежали. Это не просто враги, это очень опасные враги. Это вам не кто-нибудь,

это вам товарищ Сталин говорит.

– Есть! – козырнул Александр Михайлович. И повернулся на каблуках…

Растерянная, кутающаяся от холода и сквозняка в плащ балерина сидела на табурете подле черного хода, ничего не понимая.

Из темноты подошел товарищ Сталин, коснулся ее плеча.

– Замёрзли?

Балерина вздрогнула, замотала головой.

– Вставайте. Мы обратно едем. В театр. О том, что здесь было или не было, никому не рассказывайте. Вообще ничего не рассказывайте, пусть сами догадываются. Пусть это будет маленькая интрига. Договорились? Вас товарищ Сталин просит.

Балерина отчаянно замотала своей кукольной, в бантиках головкой так, что кудряшки в стороны разлетелись.

– Вот и хорошо. А если расскажете… – товарищ Сталин вздохнул. – То вас и жениха вашего придется арестовать и в Сибирь сослать. Но это не страшно, я там был в ссылке. Там хорошо, там тоже театры есть.

Усмехнулся сквозь усы, и от этой усмешки балерина чуть чувств не лишилась…

Четвертый акт товарищ Сталин досматривал в ложе. Он улыбался и одобрительно хлопал в ладоши. В том числе той самой балерине, которая отчаянно прыгала по сцене и кружилась, и к ней со всех сторон были устремлены удивленные и завистливые взгляды солисток и кордебалета. И жених ее таскал туда-сюда по сцене и подкидывал вверх необычайно высоко, чтобы поймать у самого пола.

– Браво!

И Сталин снова хлопал… Потому что любил и ценил искусство. Особенно советское, которое всячески поддерживал…

* * *

– Девяточка. И… оп-па десяточка! Себе, «Фифа», тяни.

– Туз! И… еще туз! Эх!

– «Московское очко». Ваши не пляшут!

– Фартовый ты, «Ржавый».

– Какой есть! Уж таким меня мамка уродила, когда на зоне чалилась.

– А папка?

– Папке живоглоты энкавэдэшные «зеленкой лоб помазали» и не стало моего драгоценного папаши, и стал я сиротой казанской, и жизнь моя под гору покатилась. А кабы не так, быть мне графом, клифты бархатные носить, во дворцах жить и шартрез ведрами хлебать. Потому как папочка мой с самим государем-императором ручкался…

– Кончай, «Ржавый», порожняк гнать. Папаша твой знатный ширмач на Лиговке был, да только на перо его посадили. Банк держи…

Идёт игра, режутся блатные на интерес. Кто-то уже в одном исподнем сидит, проигравшись в пух и прах, но не уходит – азартно блестят глаза и кажется, что еще чуть-чуть и ухватит он фарт, и отыграется, всё себе вернув, да сверх того взяв.

– Туз. И… десятка. Очко. Скидывай «колёсики».

Кривится проигравший, тянет с ног ботинки, шевелит голыми пальцами на ногах.

– Всё. «Катать вату не буду», без интереса не играю.

– Нет! Еще!

– Чего ставишь?

– «Балабас», который у того фраера найду. Он второго дня «деревянное письмо» с воли получил. Что найду – на кон.

– Идёт.

Тусуется колода самодельных засаленных карт, теснятся вкруг стола блатари.

– Девять. И… девять.

– Себе… Масть – не лошадь, к утру придёт…

Эх!.. Перебор. Нет фарта!

Откинулся, лыбится довольный выигрышем игрок. Проигравший, да не свое, чужое, полуголый зэк, пошел ступая голыми пятками по земляному полу. Остановился возле нар.

– Слышь ты, на «пальме», айда сюда.

Со второго яруса нар свесилось лицо.

– Вы мне?

– Тебе, фраер драный. Прыгай воробушком вниз.

Спустился зэк, щурится, переминается с ноги на ногу.

– «Деревянное письмо» получал? Жинка, поди, прислала?

– Да, жена.

– Тащи харч вниз. Мне платить надо.

– Но это… это моя посылка. Для меня, – робко возражает зэк.

– А мне по… Была ваша, стала наша. Тащи, пока я тебя на перо не поставил.

Оглядывается блатной, лыбится, голыми пятками притоптывает – куражится перед дружками-приятелями, а те ржут, довольные спектаклям. Скучно им на зоне, потому что тепло и сытно.

– Кончай, лупоглазый, «сиськи мять», некогда мне, ножки стынут…

С нар из темноты зэки смотрят, зубы сжав – все сплошь фронтовики, которые пулям не кланялись, на штыки немецкие ходили… А тут молчат, словно воды в рот набрали. Встать бы, да припечатать этого урода, чтоб душа из него вон, но только блатные враз вскинутся на обидчика и на перья поставят, а того хуже, в параше утопят. Воровские законы на зоне – не человеческие.

Молчат фронтовики, глаза отводят.

Спустился «лупоглазый», протянул посылку. Блатной руку туда сунул, поворошил.

– Тю… схавал жеванину, фраер? Жадный ты, дядя! – Оглядел зэка с ног до головы. Ботинки заметил. Справные. – Скидай «колеса», ни к чему они тебе, ты не сегодня-завтра ласты склеишь, а моим ножкам тепла хочется.

Зэк испуганно замотал головой. Без ботинок здесь, в тундре – смерть.

– Ну ты чего, не понял? – Сверкнула в руке заточка.

«Лупоглазый» быстро присел, расшнуровал, скинул ботинки – без них, может, еще день-два прокантуешься, а коли перо в бок, так прямо теперь откинешься. Такая психология у зэков, что лучше завтра, чем сейчас. Минутой он жив…

Блатной взял ботинки, но даже надевать их не стал, пошел к столу.

– «Лопаря» на кон ставлю. Знатные «лопаря»…

Пошла игра, застучали о стол вырезанные из картона карты.

Перебор…

– Эх, где мой фарт?

Конец игре? Но, нет…

– Ставлю… – осмотрелся «Фифа», по столу ладонью хлопнул: – «Деда» ставлю!

И все притихли. И даже блатные. На нехорошее дело подписался «Фифа». «Дед» хоть и мужик, но уважаемый, самый старый в бараке, в бороде и очках, какой-то там профессор кислых щей, тихий – мухи не обидит.

– Слово, «Фифа»?

– В натуре. «Деда» ставлю! Век воли не видать.

– Ну, смотри!

Замер барак. Все взоры на стол, на карты – такая игра пошла…

«Ржавый» сдаёт. Не спеша карты тасует, рисуется, знает – все на него сейчас смотрят, как на артиста на сцене.

Девятка… Семёрка… Лыбится, подмигивает, пальчиками играет…

– Еще?

Секундная пауза. Сомнение. Но кто не рискует…

– Мечи!

– Король… Двадцать!

Облегчённо вздохнул барак.

– Себе.

Тянет «Ржавый» карту. Десятка… Замер, держит паузу. Любят это дело блатные, любят нервы пощипать. Постукивает пальчиками по колоде.

– Ну что, «Фифа», поглядим, есть у меня фарт или вышел весь?

Тянет карту. Бросает на стол. Туз!

– Очко.

Вздох по бараку. Проиграл «Фифа» «Деда». Вчистую. И ведь все понимают, передёрнул «Ржавый», туза из рукава вынув или еще как, потому как известный он катала. И не пожалел «Деда», не дал «Фифе» отыграться.

И «Фифа» всё понимает, только не схватить «Ржавого» за руку.

– Когда должок отдавать станешь? – смеётся «Ржавый», поблёскивая зубами золотыми.

– Теперь отдам!

Встал «Фифа», к нарам пошел. Туда, где «Дед» кантуется.

– Эй, «Дедок», слазь.

Слез, встал «Дед», ничего со сна не понимая. Смотрит вопросительно, не понимает, что смерть к нему его пришла.

Но кто-то еще спрыгнул, рядом встал.

– Слышь, «Фифа», не трожь «Деда», не бери грех на душу.

– Ой, – притворно удивился «Фифа». – Кто ж это такой сыскался? Защитник. Прямо – страху нет! А коли я не его, а тебя?

Стоит зэк, не шелохнётся. Один. Капитан-летун, Герой Союза. И надо бы к нему, надо слезть, рядом встать. Ведь не испугался он… Но страшно, страшно на пере повиснуть, потому что «Фифа» – рожа кровь с молоком, сытый, быстрый, а ты почти доходяга. Дунь – упадешь. Не совладать с ним… Но надо слезть, потому что летун стоит. Надо!..

Спрыгнуть с нар, придвинуться, притиснуться к «Деду». Встать молча. Еле заметно кивнул летун благодарно – легче ему стало. Двое – не один. Хотя и вдвоем, но что они сделают? Но может, кто-то еще…

Зыркнул «Фифа» вправо-влево – дурное дело, коли мужики вместе поднимутся. Весь барак не порезать. Но и долг отдавать надо, чтобы к параше тебя не приставили. Безвыходное у него положение.

С верхних нар головы свесились, смотрят волками и глаз не отводят! Много их… И те двое придвинулись… А сзади дружки блатные глядят, интересно им, как «Фифа» выкрутится. Помогать ему не будут, на зоне каждый сам за себя. Сам проигрался – сам крутись…

Усмехнулся «Фифа», фиксой сверкнув.

– Да ладно, фраера, не вопрос, я же понимаю – пусть живет «Дедок»… Слышь, дед-сто-лет, сам помрешь. – Улыбнулся дружелюбно.

И «Дед» в ответ:

– Иди, спи. Дави харю. Сон зэку в облегчение дан.

Развел руки, чтобы обнять старого зэка, по плечам, по спине похлопать. И все расслабились и невольно заулыбались.

«Фифа» завел руки, но не обнял. В руке его взблеснула узкая, как шило, заточка, и он быстро и точно вогнал ее в спину «Деда», аккурат против сердца. Тот вздрогнул, удивленно выпучил глаза и стал оседать на подкосившихся ногах.

«Фифа» отпрыгнул. Хищно щерясь, тыкая в воздух окровавленной заточкой и отступая спиной в блатной угол. И приятели его повскакивали, выдернув откуда-то ножи и заточки, готовые сцепиться с мужиками.

Но никто не стронулся с места. Поздно. Некого уже защищать.

Смотрят блатные. Смотрят зэки. Никто в драку сунуться не решается – все понимают: малой кровью тут не обойдется. Выжидают…

Дрогнула занавеска в конце барака… «Сивый»! Смотрящий за зоной. Вор авторитетный, с ходками от царя-Гороха. Всех пережил: и Феликса, и Ягоду, и Ежова, и теперь помирать не собирается.

Отступили блатные.

Вышел, глянул «Сивый». «Деда», скрючившегося на полу земляном, приметил и струйку крови под ним.

– Кто?

– «Фифа». В карты проиграл.

– Дурак.

Быстро «Сивый» расклад понял – мужики, коли все встанут, а встанут, если до резни дойдет – сила. Половина из них фронтовики, навыки свои вспомнят, с нар жердины повыдергивают, встанут спина к спине… Блатных – горстка. Не совладать с мужиками разом, по одному их резать надо.

– Ша! Кончай кипешь. Спать мешаете.

Шагнул назад. Упала занавеска.

И всё стихло. Блатные сели «вату катать», зэки на нары полезли. И только «Дед» остался. Был человек – и не стало его. Что для зоны дело обычное. А от чего помереть – от пера в бок, поноса кровавого, пули конвойного или чахотки – не всё ли равно? Все они тут не жильцы, ко всем смертушка не сегодня, так завтра придёт… Такая жизнь, которую и потерять не сильно жаль…

* * *

– История, как математика, – точная наука, если, конечно, оперировать фактами, а не предположениями. И в ней, как в некой формуле, заложена цикличность, то есть всё то, что было ранее, через какой-то период времени начинает повторяться вновь, пусть в ином антураже и с другими персоналиями. Но в целом, спиралевидное развитие есть суть исторического процесса…

Сидит Вождь Всех Народов, слушает, трубку в руках мнёт. Не любит он говорить, слушать любит и на ус мотать. А если скажет, то так скажет, что полстраны вздрогнет. «Братья и сестры…» – скажет. Или «жить стало лучше, жить стало веселее…» Слово его – золото червонное.

Хорошо профессор говорит, хоть и мудрено. И это плохо – мысль изреченная должна быть проста и чеканна, чтобы дойти до любого крестьянина. А эти учёные… Но без них нельзя, должны они линию Партии поддержать и научно, красивыми словами, обосновать. Для того и держать их приходится, и институты давать, и премии сталинские. Не может страна без мудрецов жить, то еще в сказках прописано. Без мудрецов народ сомневаться начинает, и заграница косо смотреть…

– А скажите, профессор, как управители государств верности придворных добивались, когда всяк слуга предать господина может, на сторону врага переметнувшись, будь то хоть Советник Первый, хоть телохранитель. Как же они их в узде держали?

– По-разному. Золотом платили, вотчины дарили или на мздоимство и казнокрадство сквозь пальцы смотрели, как, к примеру, Пётр Первый.

– Не прав был царь Пётр, – строго сказал товарищ Сталин. – Слаб был! Нельзя воров до казны допускать, надобно было им руки рубить и на кол сажать, чтобы

иным неповадно было. Если ворам потакать, так всю державу разбазарить можно! – И глянул сурово – профессор даже слюну сглотнул. – Встал, трубку раскурил, спросил: – А коли не воровством, коли страхом держать?

– Во многих средневековых государствах, особенно в Азии и на Ближнем Востоке, именно так и поступали. Например, если визирь или кто-то из ближнего окружения предавал султана, то не только его, но и всю его семью, до третьего колена, включая младенцев, женщин и стариков, жизни лишали, и всё имущество, и дома забирали.

– Суровый закон, – одобрительно покачал головой Отец Народов.

– Да, к сожалению. Но очень действенный, – тихо сказал профессор. – И еще круговая порука. Если кто-то из охраны предавал хозяина, то все его товарищи, которые были подле него и вместе с ним, подлежали мучительной, публичной казни. Чтобы они следили друг за другом и не покрывали отступника, даже если это только подозрение.

– Стало быть, в слуги надо брать тех, у кого семьи большие, чтобы братья и сестры, мать с отцом живы и жена с детьми. И чтобы связи не были прерваны, – задумчиво сказал товарищ Сталин.

– Зачем большие? – не понял профессор.

– Чтобы понимал, если предаст, семья его пострадает. В ссылку поедет. Или…

И стал прищур у «Хозяина» иной, с отблеском металла, отчего профессор мурашками пошёл, хоть не в бараке промёрзшем сидел, а в кабинете кремлёвском. Но до барака того из Кремля – рукой подать.

– Что еще скажете, профессор?

– Если про охрану, то телохранителей и ближнее окружение правители в Средневековье предпочитали набирать из своих родственников, родов или народностей, считая, что они будут защищать своего господина гораздо лучше, чем наёмники, из опасения что инородцы, если к власти придут, всех их вырежут. И это были вполне обоснованные опасения, чему есть масса примеров

в истории…

– Спасибо, профессор. Мне было очень интересно с вами поговорить. Но в конце хочу немножко оспорить вашу математику – не всегда история идет по спирали, не всегда повторяется. Любую спираль можно выправить и куда надо загнуть. Мы теперь строим такое государство, какого еще не было в истории человечества. И смею вас уверить – непременно построим. И никакие ваши спирали нам, нашему народу, не указ.

– Да, конечно, товарищ Сталин. Наш строй… наш народ… Мы являем собой новый беспрецедентный опыт исторического прорыва, который…

* * *

– Следующий…

Суров командировочный из Москвы, ни с кем не общается, слова лишнего не говорит, в кабинет не допускает. И не понять, кто он по званию и откуда, потому что в гражданке. Может, майор, а может, и полковник. Другие приезжают и сразу за стол с водкой и разносолами или в баньку с дорожки, куда зэчек посимпатичнее пригоняют, чтобы спинку приезжему потереть. На то в каждом лагере три-четыре балерины или актрисы имеются, с мордашками симпатичными, которых на общие работы не гоняют и в телогрейки не рядят, а шелковые платья, белье кружевное и чулки фильдеперсовые выдают. А этот – наотрез. Сел в кабинет, делами обложившись, и зэков к себе гоняет.

– Фамилия?

– Заключённый номер…

– Я у тебя фамилию спрашиваю. Человеческую.

– Зинчук. Пётр.

– Садись, Петя, говорить с тобой будем.

Садится Пётр на самый краешек стула. На следака смотрит. Но больше на стол, где в тарелку банка тушёнки вывалена – лежит горкой, мясо и желе… И хлеба куски стопкой, не местной зоновской выпечки – из мякины с отрубями, а настоящий, с воли. И запах ноздри щекочет так, что слюна с губ капает.

– Давай так, Петя, – хочешь теперь ешь. Но лучше – после. Если после – я тебе чай соображу и сгущёнку вскрою. Сам решай. Если после…

Смотрит зэк на тушёнку и хлеб, аж испариной покрылся.

– Хорошо, после… Нет… теперь. Теперь буду! – И схватив ложку, тушёнку наворачивает, аж за ушами трещит.

– Ты поаккуратнее, а то стошнит.

– Нет, нормально, нормально. – И хлеб в рот с жадностью целым куском!

А следак отметочку в блокноте ставит против фамилии – нетерпелив, невыдержан. Не прошёл Петя проверочку, не есть ему сгущёнки.

– Следующий… Фамилия?

– Еремеев, Семён.

– А по батюшке?

– Батю Иваном кличут.

Смотрит недоверчиво, исподлобья, подвох ищет – нетипичный следователь, не в форме, не при оружии, лицо мягкое, глаза добрые, улыбка на лице и «краснопёрые» за спиной не маячат. Неспроста это! Точно – Кум.

– Жрать хочешь?

– Всяк зэк жрать хочет.

Усмехнулся. Достал, вбил в банку нож, прошел по кругу, вывалил в тарелку тушёнку. Хлеб рядом сложил.

– Можешь теперь, можешь потом…

Надо бы теперь и сразу. Не откладывают зэки еду на потом – теперь дают, после заберут. Но что-то сдерживает, не хочется перед этим фраером в пиджачке скотом выглядеть.

– Я после, я сгущёнку люблю.

Кивнул на стул.

– Семья у тебя есть, Семён?

– Есть, как не быть. Там всё в деле прописано. И отец, и мать, и сестры с братьями имеются.

– И жена с детьми. Так?

– Ну, так.

– Давно их не видел?

– Давно, как на войну ушёл. Вначале на войну, потом без пересадки – сюда. Может уж и умер кто. А может, все.

– Нет, живо-здорово семейство твое.

– Откуда знаешь? – вскинулся зэк. – Простите, гражданин начальник…

– Справки навел через участкового. Дети в школу ходят, жена в поле трудится, трудодни зарабатывает. Отец болеет, но бог даст, выздоровеет. Брат твой с войны без ноги вернулся, но весь при медалях, теперь в МТС мастером работает. Женился год назад, жена на сносях.

Жадно смотрит зэк на следователя, сейчас дырку ему во лбу просверлит. Не знает верить или нет – туфту ему гонят или правду говорят. Но хочется, очень хочется, чтобы правду! А если так, если живы и здоровы все, и даже не сосланы… Слеза у зэка наворачивается, так что тот зубами скрипит, чтобы не разрыдаться.

– Чего хочешь от меня, начальник?

– Узнать про тебя, что сам рассказать захочешь. Воевал где?

– Второй Украинский.

– А я на Белорусском. Соседи значит.

Смотрит Семён – не верит! Не воевали «краснопёрые», в тылу подъедались, на пайках эмгэбэшных усиленных, жирком обрастая, да еще из зэковского котла прихватывали. О фронте – только по газеткам, да кинохронике…

– Чего смотришь? Не веришь? Думаешь я в тылу отсиживался?

Качнул головой зэк.

– А ты сюда глянь…

Встал следак, за полу пиджака ухватился, вверх рванул. И рубаху следом. А там, по животу и боку до груди шрамы. Сплошняком. Таких ран у энкавэдэшников не бывает, их если только «пером» поцарапают и табуреткой голову раскроят. А тут…

– Осколочное? Миномёт?

– Он, родимый. Немецкий, полста миллиметров. Взводному голову посекло, а меня сюда приложило.

Значит, на самом передке следак осколки свои схлопотал, потому как до штабов такие мины не долетают. Они – для пехоты, которая в первой линии окопов.

– Ладно, садись. Чего прошлое вспоминать. Я тоже, как ты, на зоне чалился. Да теперь выскочил. Курить будешь? – Протянул пачку папирос. – Можешь в заначку взять.

Сгреб зэк штук десять папирос. Дают – бери, а бьют… А коли бьют, всё равно не убежишь.

– Ну что, поговорим по душам?

– Давай поговорим.

– На фронте в разведке служил?

– Было дело. Вначале в батальонной, потом в полковой. До того взводным лямку тянул, потом ротным.

– За «передок» ходил?

– Было дело. Одиннадцать раз. Потом тяжёлое ранение, трибунал – погоны, ордена долой и – здравствуй, солнечный Магадан.

– Чего так?

– С офицером сцепился сразу после госпиталя. Крыса тыловая.

– Знакомое дело. Десять лет по пятьдесят восьмой?

– Как с куста.

– Каким оружием владеешь?

– Что? – не понял зэк.

– Я говорю, каким оружием владеешь?

– Любым, которое на фронте. Нашим, трофейным – автоматы, пулемёты, миномёты… Надо будет – в танк сяду или из гаубицы пальну. Ну, еще, конечно, ножи, сапёрная лопатка и вот это… – показал костистый кулак, в который полбуханки хлеба можно упрятать.

– Ну-ка иди сюда. Держи. – Протянул нож, которым банку резал.

Совсем чудеса, чтобы следователь да зэку оружие в руки, а сам в двух шагах!

– Бревно видишь, пятое сверху?

– Ну?

– В самую серёдочку. От той стены.

Зэк недоверчиво глянул на следователя, отошёл к стене, прижался к ней спиной и вдруг быстро, почти без замаха, метнул нож. Тот просвистел и воткнулся точно в серёдочку бревна, так что ручка завибрировала.

– Могём!

– Опыт. Проверяешь меня? Может, еще пистолет дашь?

– Нет, пистолет не дам. Как насчёт маскировки?

– Ну, а как разведчик без маскировки? Лежал пузом на нейтралке, по три-четыре дня огонь корректируя. Как видишь – жив. Значит, не увидели фрицы… Что еще интересует? Мину обезврежу, кулеш сварю, рану перебинтую, боевой листок выпущу… Ты скажи, зачем тебе всё это знать?

Подумал следователь, помолчал, прикидывая.

– Могу тебя с этой кичи вынуть и на лёгкий режим перевести.

– На какой лёгкий?

– На совсем лёгкий. Там увидишь.

– Чудеса рассказываешь. Зачем это?

– Сам не знаю. Мое дело бойцов собрать, а что дальше… Что-то будет. Думай, если согласен…

– А чего тут думать? Дальше зоны не пошлют… Не охота мне на нарах гнить, дошел уже. Хуже всё одно не будет. Некуда хуже!..

А вот тут зэк ошибся. Сильно ошибся, потому что хуже всегда может быть. И даже хуже худшего!..

* * *

– Фамилия? Только не надо номеров и статей.

– Тогда Егоров Николай.

– Воинское звание?

– Рядовой.

– А по документам…

– Воинских званий, наград, отличий лишён решением военного трибунала. Для искупления направлен в штрафбат.

– Но после должны были восстановить.

– Не было «после». Попал в окружение, два месяца лазил по немецким тылам, был схвачен, попал в лагерь, по-ихнему – Семнадцать бис. Был завербован в армию генерала Власова, через месяц бежал с оружием в руках.

– Как тебя угораздило?

– А вы, гражданин начальник, в том лагере были? Мы там крыс жрали и трупы своих же товарищей. Мы землю грызли, чтобы червяка найти, и дрались за него! Нас там штабелями вдоль проволоки складывали сотнями в день. А Власов жратву обещал и жизнь. Я – пошёл. Многие пошли, чтобы просто не сдохнуть от голода. Я месяца там не служил – в лес подался. Партизанил, вначале один, потом в составе партизанского соединения Ковпака. На связь с подпольщиками ходил, в самое логово. Каково по городу средь фрицев бродить с документами липовыми, каждую минуту лопатками выстрела ожидая? Я коменданта лично вот этой самой рукой удавил. А меня…

– Понятно. Пятьдесят восьмая, пособничество врагу…

– Так точно! Шестой год по зонам мотаюсь.

– Оружием, я так понимаю, владеете?

– Я кадровый военный. И после пришлось, на фронте и в партизанах, и когда обозы немецкие в одиночку или с напарником резал.

– Как это?

– Просто. Сидишь в лесу и в кустах и ждешь, когда немецкие интенданты поедут. Они по деревням шарили и всё подчистую выгребали. По три дня сидеть приходилось. Как увижу обоз, они ведь не на машинах, всё больше на лошадях по деревням таскались – дождусь последней телеги и на четвереньках с ножом в зубах. Подбегу и глотки режу. Коли не заметят те, что впереди, лошадь придержу и в лес. А так – схватишь, что успеешь, и деру.

– А почему интендантов, а не жандармов, к примеру?

– Потому что интенданты еду возили, а мне жрать хотелось! Или вы думали я вам про патриотизм байки вколачивать буду? Стимул у меня имелся: возьму обоз – сыт буду. Нет – сдохну в лесу. Я их немало так порезал с голодухи-то.

– А у Ковпака?

– Тоже не сахар. От пуза не поешь, а дисциплина почище, чем на фронте, – чуть что к стволу, в смысле – к стенке. Тюрем у них не было, так что мера пресечения одна – пуля меж глаз, а если каратели близко – то штыком поперёк глотки. Там я сапёрил – мины снимал и ставил, тол из снарядов выпаривал, составы рвал.

– Семья большая?

– Большая. Одних братьев пятеро. Если их всех на фронте не поубивало. Сестрёнки еще. Ну и мать с отцом, и жена с ребятишками.

– Сидеть на «строгом» не надоело?

– А кто меня спросит? Только если прокурор, чтобы добавить. У меня еще вся моя десятка впереди.

– А если я помогу?

– Как?

– Как смогу…

* * *

– Михальчук Антон… В разведке я служил.

– Батальонной, полковой, армейской?

– Нет, диверсант я. Меня в Москве мобилизовали и на учебу краткосрочную направили – стрелять, взрывать, землянки копать, в лесу жить учили. Прямо в Москве, в парке. Мы трамваи слышали и голоса детские, хотя настоящим партизанским лагерем жили. Немецким я владел не очень, но понимал и говорить мог. Потом парашютная подготовка и сброс в тыл врага. В группе нас восемь человек было, при прыжке разметало. Втроём мы собрались, пошли остальных искать, да скоро на полицаев напоролись. Постреляли малость и в плен сдались.

– А чего не застрелился?

– Не мог. Когда мы улетали, командир сказал мне, другим не знаю, что если схватят меня, то сдать группу, чтобы выслужиться и немцам в услужение пойти.

– Сдал?

– Сдал. Потому что приказ. Мне потом очную ставку устроили, и я на них пальцем указывал и по именам называл. И на расстреле был, когда их к стенке ставили, в глаза им смотрел. Хорошо – самому не пришлось… Потом переводчиком служил, документы печатал, в том числе пропуска, которые подпольщикам передавал, об облавах предупреждал, про передвижение частей узнавал. Полгода работал. А после меня забрали и в немецкую разведшколу направили, где гоняли нас до седьмого пота. Умеют немцы учить, ничего не скажешь. В норматив не уложился – карцер, еды лишают или плёткой бьют. А того хуже – всю твою десятку за тебя гоняют, а ночью с тобой курсанты разъяснительную работу проводят чем и куда ни попадя. Шесть часов сон – остальное физическая и специальная подготовка без выходных и выхода за периметр. Связи у меня ни с партизанами, ни с Большой землёй не было и никому и ничего я передать не мог. Так и отучился, экзамены сдал, думал меня к нашим забросят, а меня в другой лагерь направили, с повышением. Там опять учёба, но более вдумчивая, с языками, приёмами конспиративными, тайнописью. Полгода гоняли, после – звание обер-лейтенанта присвоили.

– Офицером, значит, ты стал немецким?

– Так точно, стал. Потом во Францию послали на стажировку и начали к заброске в Англию готовить, но что-то там у них не связалось и меня в учебный лагерь вернули, а после с группой под Ленинградом сбросили. Я, конечно, сразу пошел в СМЕРШ сдаваться. Ну, мне и намотали. Доказать ничего я не мог, да меня и не слушали. То, что сам пришёл – значит, задание такое. Когда других из группы схватили, они показали, что я немцам верой-правдой служил, да еще в отличниках ходил при звании офицерском – так Гитлеру помочь хотел. Трибунал «вышку» влепил, но потом на двадцатку заменили.

– Ну коли так, значит, ты много чего умеешь?

– Всё умею – стрелять, минировать, маскироваться, слежку выявлять, шифровать, на ключе стучать… У немцев не забалуешь – всему научат! А я точно – не из худших был, думал – выслужусь, Родине пригожусь. А теперь вот лес валю…

– А если больше не валить?

– Что?!

* * *

– У меня одиннадцать кандидатов, трое под сомнением, остальные по всем параметрам… – докладывает «Кавторанг».

– У меня – девять…

– И у меня семь, – кивает офицерик. – Эти шесть лагерей отработали, едем дальше…

Ну едем, так едем… Дивятся зэки новому своему положению, раньше сами зону топтали от каждого вертухая шарахаясь, а теперь в кабинетах сидят, заключённых вызывают, а «краснопёрые» им чай в подстаканниках таскают.

Но не обольщаются они, сегодня ты в цивильном костюмчике по эту сторону стола, а завтра в бушлате с номером – по другую. Или у стенки стоишь… Судьба зэка странна и непредсказуема, и гадать, что дальше будет и как всё обернётся – бессмысленно…

* * *

Мрачен «Хозяин», мундштук трубки грызёт, а трубка не горит. Плохой признак.

– Садись, товарищ Берия. Дело у меня к тебе.

Берия папочку раскрыл и вечное перо взял. Весь внимание.

– Беда у меня, Лаврентий. Родственники мои, которые в Сванетии, врагами народа стали. Заговоры замышляют, власть советскую ругают. Плохо…

– Откуда информация?

– Люди говорят. Ты же знаешь – на Кавказе все про всех знают. Совсем глупые мальчишки. Ты забери их, пока они чего-нибудь не натворили, в Москву привези, в тюрьму посади, в камеру отдельную. Пусть посидят, подумают. Пусть раскаются, прощения попросят.

– Дело заводить?

– Дело заведи, но не спеши и людям своим скажи, пусть палку не перегибают – родственники они мне. Пусть кормят, книжки дают. Зачем мальчишкам жизнь портить?

Слушает Берия и понимает больше, чем слышит. Хочет Иосиф родственников с Кавказа изъять, в кутузку засадить, но чтобы содержание мягкое, чтобы не бить и к стенке не ставить. Для чего только – не понятно.

– И вот что еще… Там у них еще брат есть, совсем молодой, восемнадцать лет. Не знает он ничего про братьев, жаль будет, если пропадёт. В Москву его надо, в институт, пусть учится, пусть человеком станет. Ты помоги мне по-приятельски. Парень малограмотный, в горах живёт, коз пасёт, трудно ему экзамены сдать будет. Но ты договорись, скажи: товарищ Сталин просил. Хороший мальчишка, быстро всему научится. И общежитие пусть дадут.

– Так, может, квартиру?

– Рано ему квартиру. Нельзя баловать. Разве мы с тобой в его возрасте квартиры имели? Пусть учится, как все. Если денег хватать не будет – я ему дам. Хороший мальчишка, я отца его знал, помог он мне. А долг платежом красен.

И совсем ничего не понял Лаврентий Павлович – двух старших братьев в тюрьму, младшего – в университет. Странная отдача долгов. Но гадать не приходится, когда сам «Хозяин» об одолжении просит.

– Всё сделаю, не беспокойся, товарищ Сталин.

Ночью в далёкой Сванетии в один из домов вломились люди в погонах.

– Открывай. МГБ!

Дом обыскали, всё перевернув вверх дном, разбросав одежду и одеяла, и даже в колодец слазили.

– Собирайтесь. Вот ордер на арест.

Завыла по-волчьи, запричитала мать:

– Это всё он, он! Я знала!.. Будь он проклят!..

Кто «он» понять было нельзя. Но можно было догадаться.

Двух братьев, подталкивая в спины, вывели во двор и посадили в машину.

А младший… За младшим утром пришёл секретарь райкома и увёз с собой, сказав, что на учёбу в Москву и что это распоряжение самого товарища Сталина, который хочет дать мальчику образование.

Враз опустел шумный до того дом. И только мать, катаясь по полу, рыдала, рвала на себе волосы и причитала, как по покойникам…

– Всё это он… он!

* * *

Ночь. Спят зэки беспробудным сном, который больше на смерть похож. Умаялись на лесозаготовках. Ворочаются во сне от холода, от вшей, что по ним ползают, но не просыпаются. Жмутся друг к дружке.

– Эй ты, фраер!

Толкает кто-то в ногу. Тянет.

– Чего тебе?

Стоит блатной, лыбится.

– Вставай, разговор есть.

– С тобой, что ли?

– «Сивый» тебя кличет! Давай шустрее, доходяга!

«Сивый»? «Сивый» на зоне человек уважаемый и всесильный, от него иной раз поболе, чем от начальника лагеря зависит. Начальство высоко сидит и зэков, как тех вшей, по отдельности не различает, а «Сивый» в самой гуще, всё у него на виду, про всех всё знает. Он здесь решает, кому жить, а кому умереть – махнёт блатным, и они враз тебя на пики посадят. Или того хуже «опустят» и к параше приставят. Зачем ему простой «мужик» понадобился?

Распихать припавших к тебе зэков, спуститься, спрыгнуть с нар. Посланец стоит, ждет, гримаски строит. Весь как на шарнирах. Шестёрка на побегушках.

– Шагай, шевели копытами.

Пошли по проходу, мимо раскалённой печки, от которой жаром пышет, остановиться бы хоть на минуту, чтобы согреться, но блатной сзади в спину пихает.

Занавеска. Посланец за нее нырнул, через мгновение высунулся, пальцем поманил – заходи. Что там?.. Редко кому удавалось за ту черту запретную заходить. И не всем обратно живым выйти удавалось.

Кровать солдатская с настоящей подушкой, а не покрытой тряпкой соломой, стул, стол, на столе горячий чайник, кружка, блюдцем прикрытая, и сковородка с жареной картошкой. С настоящей, на настоящем масле картошкой, потому что отсюда в нос шибает!

«Сивый» лениво поднялся с кровати. Это только рядовые зэки суетятся, отовсюду ударов ожидая. Воры не спешат, не дёргаются, зная себе цену.

Моргнул шестёрке. Тот быстро занырнул за занавеску, задёрнув за собой щель.

– Звать как?

– Александр.

– Сашка значит… Ну садись, Сашок. Есть хочешь?

Странный вопрос, глупый – какой зэк есть не хочет, хоть корку недельной давности, хоть отбросы с офицерской столовой. Зэк всегда есть хочет, даже когда сыт, когда только что из-за стола, потому как голод его годами копился. За десять лет не отъесться ему, так кажется.

– Вот картошка.

– Нет, спасибо.

Глянул «Сивый», усмехнулся.

– Жри сказал! – Толкнул сковородку по столу и ложку сверху бросил. Не откажешь такому.

Зачерпнуть картошки, сунуть в рот и вспомнить… Нормальную еду вспомнить, которую несколько лет не видел, не пробовал! Картошка! Хлеб не зэковский, настоящий! И хочется, ох, как хочется, черпать и жрать, не жуя, а проглатывая, чтобы больше успеть, чтобы желудок набить. Но что-то сдерживает – ухмылка, взгляд презрительный…

Откусить кусочек хлеба, прожевать, картошки зачерпнуть, да не с горкой, а пол-ложки. Не торопясь, сдерживая себя, но всё равно боясь, что вот теперь он скажет: «Хватит, довольно!» и погонит из-за стола, и ты не успеешь…

Но нет, молчит «Сивый», смотрит.

– Ты где до зоны жил?

– В Москве.

– Студент, поди?

– Да, учился.

– Враг народа?

– Пятьдесят восьмая – десять.

– Против советской власти агитировал? За «десять» – «червонец» получил?

– Пятнашку…

И что интересно, разговор простой, человеческий, без блатного жаргона.

– Ты жри, успевай. Можешь всю сковороду умять.

Взял кружку, обхватил двумя руками, прихлёбывает мелкими глотками, глаза от удовольствия прикрывая.

– Ты чего тогда за Деда впрягся? Кто он тебе?

– Никто. Просто человек старый.

– Просто… В чужие разборки не встревай, тут каждый сам за себя. А ты полез. Братва тебя за то приговорила.

Замерла ложка над сковородкой. Подрагивает рука… Выходит… Как же так?.. Он же только сказал, он никого даже пальцем… А теперь…

– Помочь тебе хочу. Пацан ты правильный… был. Не робкого десятка. Студент. Я ведь тоже когда-то учился. Давно. Жаль будет, если тебя на перья поставят. По нраву ты мне… Жить хочешь?

Дёрнулась голова подбородком вниз, сама по себе. Кто жить не хочет? Даже самый последний, даже «опущенный» зэк за жизнь пальцами цепляется, надеясь рано или поздно на волю выйти. «Умри ты сегодня, а я – завтра» – такая лагерная философия.

– Не западло в «мужиках» ходить?

– А что, в шестёрках лучше? – Положить ложку, отодвинуть от себя сковородку. – Спасибо за угощение.

Ухмыльнулся «Сивый».

– Гордый? Это правильно, что гордый. «Человек – это звучит гордо», – так кажется ваш пролетарский писатель говорил?

– Писал. В пьесе «На дне».

– Читал. Только дна настоящего он не видел, где каждый каждому глотку зубами рвёт, сверху вертухаи, а сбоку «Кум» и стеночка в дырках, которая всех ровняет… А я там был! Что теперь зона – курорт, а я под Ежовым с Ягодой срок тянул. – И без перехода: – Жиганом будешь. Так я решил!

– Шестерить?

– Кому «шестерить», те без тебя сыщутся. При мне состоять будешь. Поговорить я люблю, а не с кем. Отъешься на харчах вольных, а то дошел совсем.

– А если я…

– Если откажешься – дурак будешь, сдохнешь на общих. Не жилец ты, у меня глаз наметан, до весны не дотянешь, в землицу мёрзлую ляжешь. Надо тебе это? А так, глядишь, домотаешь свой срок, домой к мамке поедешь. Подумай.

А что тут думать?.. Велик соблазн, потому как не «должность» – жизнь ему предлагают. Прав «Сивый» – доходит он. Ноги уже сил нет таскать, зубы во рту шатаются, скоро выпадать начнут. Видел он таких дистрофиков, которые как

тени, а через неделю-другую их за ноги с нар волокут и в яму общую сбрасывают. И он – такой. И ему там лежать под безымянной дощечкой. А здесь еда, тепло… Почему нет?

– Наверное… Наверное, я соглашусь.

Кивнул «Сивый».

– Ну и правильно. «Жизнь она дается раз и ее прожить надо так, чтобы не было мучительно…» – переврал, перевернул «Сивый» известную цитату. – Хороший выбор сделал, правильный. Перетащишь свое барахло сюда. Сегодня.

И как гора с плеч, потому что жизнь…

И тут же, как ледяной водой из ушата, – потому что… жизнь.

– У «Фифы» заточку возьмёшь и «Летуна» подрежешь. Ночью.

– Что?! Кого?!

– «Летуна», который с тобой за «Деда» впрягся. Вредный он, «мужиков» на «мясню» подбивал. Теперь не жить ему. Если мы порядок на зоне держать не будем, беспредел наступит, а это кровь большая. Теперь ему простить, он завтра больший кипешь учинит. Нельзя прощать. На то я здесь поставлен, чтобы порядок был.

Вот, значит, какой пропуск в жизнь новую. Вернее, просто – в жизнь.

– Возьмёшь заточку, рядом с ним на нары ляжешь, на тебя он не подумает. А как он заснёт – пырнёшь… Хоть знаешь куда, чтобы наверняка? Пырнёшь и слиняешь по-тихому.

– Я… Я не смогу.

– Все не могут. А потом – могут. Человека убить, что муху раздавить – раз и нету. Душа в человеке еле держится – толкни, сама вылетит. Не ты, так другой. Не жилец «Летун». Лучше ты его, чем «Фифа», через то ты жизнь получишь. А если

«Фифа», то и тебя за «Летуном» в яму. Ничего ты изменить не сможешь, только сам себя приговоришь. Дело тебе толкую – жив будешь, и приятель твой лёгкую смерть примет. Ты подумай.

И ведь верно говорит – коли приговорили лётчика, – не жить ему. Хоть – так, хоть – так. Ну день, ну два, а потом его блатные всё одно достанут, не заточкой, так молотком по затылку. Скольких таких уже из барака утром выволакивали. И никто не вступится, не полезет за него на перья. «Умри сегодня ты…»

Всё так… Но «Летун» и «Дед»… Встал ведь лётчик, и он рядом с ним. Оба они стояли. А теперь…

– Нет, не смогу я.

Поморщился «Сивый», не привык он, чтобы ему отказывали.

– Сдохнуть хочешь? А если не ты, а «Летун» – тебя, коли я ему предложу?

– Не согласится он.

– А ты знаешь? Жить все хотят… Иди, ты свой выбор сделал. Видеть тебя не хочу.

И всё, и занавеска упала, как занавес…

Утром с нар сволокли закоченевшее, прямое как доска, тело летчика, которого во сне пырнул заточкой неизвестный. В самое сердце…

Администрация провела расследование, но, как водится, ничего выяснить не смогла, потому что никто ничего не видел и не слышал, и даже те, что спали на нарах рядом с убитым. Труп лётчика сволокли за колючку и сбросили в глубокую яму, где рядами лежали припорошённые снегом мёртвые зэки…

* * *

– Фамилия, имя, отчество?

– Семёнов Илья Григорьевич.

– Звание, воинские специальности?

– Нет званий. Не служил. Гражданский я.

Странно, а этот-то как сюда попал? Гражданский.

– Кем были до войны?

– Следователем уголовного розыска.

– А во время войны?

– И во время.

– Гражданский, значит… В кабинетах припухал, когда другие за тебя жизни на фронте клали?..

– В кабинетах… Но только зря вы так, гражданин начальник. Я десять лет на оперработе, я в банды ходил, пять ранений имею.

– Что? Ранения? Откуда, если ты…

– Оттуда, – кивнул в сторону бараков. – От уголовных элементов, которые не лучше, чем фашисты.

Задрал голову к потолку. И точно, поперек горла шрам тонкий, белый, как от бритвы.

– Что? Резали?

– Резали, да недорезали. Могу другие показать. У меня много меток от перьев и стволов имеется. Так что – не только на фронте…

– Что ты в бандах делал?

– Внедрялся, чтобы всех их по головам посчитать и «малины», схроны и лежбища вскрыть. Работа такая – под урку шарить, на дело с ними ходить, а после добычу дуванить и водку жрать.

– Так ты что, как натуральный бандит? И людей резал?

– Резал. Иначе кто бы мне поверил? Но я одного зарезал, зато десяток других спас, которых бы они жизни лишили.

– А коли распознали бы они тебя?

– Тогда плохо. Тогда смерть пришлось бы принять. Лютую. Дружка моего, Ваньку Ларионова, как раскрыли – три дня на куски резали – вначале кожу лоскутами снимали, потом пальцы рубили, потом глаза сигаретами выжигали…

Слушает «Кавторанг» – мурашки по коже. Думал он, что только на фронте солдатики «киселя хлебали», а тут – на тебе, в далёком тылу, в мирной жизни, и такая смерть. Ходил он десантом, в рукопашке рубился, но чтобы так, чтобы глаза выжигали, да не враги, а свои, советские…

– Как же ты соглашался?

– А кто бы меня спрашивал? Я пять раз на фронт просился, а мне – отлуп. «Иди, – говорят, – служи. У нас тут тоже фронт». Я четырёх сотрудников за войну потерял. И после.

– А на зону за что?

– За самосуд. За то, что банду кончал вот этими самыми руками. Тех, что у фронтовиков-инвалидов последнее забирали и еще ордена с медалями, а после резали их. И семьи не щадили, хоть баб, хоть детишек малых, чтобы свидетелей не оставлять. Сорвался, перешмалял всю эту мразь из ТТ. Ну, мне и припаяли. А я еще сказал следователю: отчего это в стране Советов такая сволота имеется, когда мы теперь коммунизм строим? Ну, мне и добавили пятьдесят восьмую за антисоветскую агитацию.

– Что умеете?

– А что надо? Стрелять хоть из кармана, с пером, простите, с холодным оружием обращаться. Замки могу ломать, гомонок, извините, кошелек из кармана вытащить…

– А кошелек-то здесь при чем?

– Не знаю, вы спросили – я ответил. Следить за преступниками могу или от слежки уходить – приходилось, когда от коллег своих вместе с бандой ноги делал. Общий язык с любым уркой найду, хоть даже с ворами. В любом городе крышу над головой или пищу сыщу – не пропаду. Всё могу – и как урка, и как следователь.

Смотрит «Кавторанг» на следователя, соображает: нужен он, не нужен? Вроде как ни к чему им замки ломать, но что-то есть в этом следаке, что-то по-настоящему крепкое. И с оружием он, судя по всему, не хуже, чем иной фронтовик…

– Я подумаю.

– Спросить можно, гражданин начальник?

– Валяй.

– Пацан здесь один. Хороший. Надо бы его с кичи вынуть. Пока жив.

– При чем здесь пацан, когда разговор за тебя?

– За меня не впрягайтесь, я не пропаду, коли они меня до сих пор не раскусили, то как-нибудь и дальше обойдется. Я их нравы знаю и приспосабливаться умею. Мне что банда, что зона – один хрен, законы везде одинаковы. А парнишка пропадет – приговорили его.

– За что?

– А вот это разговор отдельный. Вступился он за пожилого зэка, а это блатные не прощают. Он, да «Летун» один. «Летуна» того подрезали – нет его. Следующим пацан пойдет, я как смогу подстрахую его, но это не выход, ну день, ну неделя… а после один черт достанут его.

– Он фронтовик, боевой опыт имеет?

– Нет, студент он.

– Тогда вряд ли подойдет.

– Слушай, начальник… – придвинулся, налез на стол грудью бывший следак. – Я не мальчик, я вижу больше, чем говорю, а говорю, лишь что должно сказать. Так что ты послушай. И брови не хмурь, не надо, не поверю я, что ты грозный такой. Не «барбос» ты, не наш, хоть и в кабинетике при делах сидишь в пиджачке гражданском, с перышком вечным в руке. Своих я за версту чую, по «запаху гуталина». Вояка ты, портяночник, вошь окопная. И еще ты – с нар. Не знаю, как давно, но срок ты тянул точно. Так?

Молчит «Кавторанг» думает, желваки на скулах перекатывает.

– Вот видишь – так! У меня глаз на людей наметан, иначе бы я давно в земле гнил. Мне ошибаться нельзя было. Не знаю, зачем ты нас тут собираешь, кого ищешь, предполагаю, что ты и сам того не ведаешь, но чую, дело серьезное затевается. Хитромудрое. Иначе бы здесь не ты сидел, а какой-нибудь опер при погонах, и разговор бы у нас иной шел – он мне в рыло, а я ему – «не могу знать, гражданин начальник». Поэтому давай на чистоту.

– Ну давай, коли ты такой, кругом умнее всех, – кивнул «Кавторанг».

– Под дело твое я подпишусь и пригожусь, можешь мне поверить. Понадобятся вам следаки.

– Почему это?

– Потому, что всем к месту приходятся, коли они не костоломы из НКВД, а опера от сохи. Вам по-всякому с людьми работать, а они для нас, для меня – книга

открытая, которую я читаю, как ты азбуку. За моим столом сотни людишек разных пересидело – от шпаны безродной до генералов, и к каждому я ключик подобрал. А вы, на фронте, всё больше штыком да пулей. Вам в людях разбираться не досуг, вы на «передке» дольше недели не живете. Для вас все на одно лицо. Вот ты теперь людишек вербуешь, разговоры с ними говоришь, вопросики задаёшь, а я тебе с первого взгляда про человечка сказать все могу. Тот первый, что у тебя был, с гнильцой он.

– Откуда ты про него знаешь?

– На зоне все про всех знают. Ты что думаешь, если его в санчасть вызвали, а вслед ему еще троих, я в их болячки поверю, в то что им лепила клизмы ставил? К тебе их таскали, как меня. За тех двоих ничего не скажу – нормальные наши советские ребята, а тот, первый, – себе на уме. Ты лучше дело его в сторонку отложи.

– А тебя?

– А меня оставь. И пацана того забери. Смышлёный он. И крепкий, коли против блатных встал и воровскому миру не продался. Такие много пользы принести могут. А ножи метать, стрелять, на кулачках биться – дело наживное. Главное, характер иметь и голову. А они у него есть. Хочешь – поручусь за него, башку свою подставив? Вместе будем – обучу его, всему, что умею.

– А если я его, не тебя возьму?

– Тоже дело. Не я, так кто-нибудь другой. У нас незаменимых нет. Я как-нибудь до свободы докантуюсь, не век же мне здесь куковать, а он – нет. Его – перо воровское ждёт. Ну что, договорились?

Ухмыльнулся «Кавторанг».

– А хрен же с тобой, душа ты краснопёрая, – где наша не пропадала! Я, конечно, не живоглот, как ты, но кое-что в жизни поглядел своими собственными глазками, когда на «пятачках» сидел и с фрицами цапался. Там человечек тоже как на ладошке, когда ни ближнего, ни дальнего тыла, ни соседей справа и слева. И народишко мне разный попадался и плохой, и хороший, а случалось такой, что я их собственной этой рукой к богу Нептуну спроваживал, без всякой

на то бюрократии и волокиты, о чем нимало не жалею. Так что давай так порешим – твою папочку я в стопке оставлю, а за пацана этого ты сам ответ держать будешь. Коли что не так – две головы слетят: твоя и его в одну корзинку.

– Пусть будет так!

– Тогда ступай. Хитрый ты, однако, мужик и скользкий, как угорь морской – не ухватишь.

– Какой есть. Разрешите идти, гражданин начальник?

– Попутного ветра в корму. А к пацану этому ты получше приглядись, прежде чем ручательства за него давать. А я дело его гляну – интересно мне, за кого ты так впрягаешься, что чуть из портов не выскакиваешь…

* * *

– Ну, здравствуй, Нугзар. Как до Москвы добрался?

Стоит Нугзар, речи лишившись, во все глаза смотрит и даже рот приоткрыл. Потому что на товарища Сталина смотрит, который перед ним живой стоит, прямо как с плаката.

– Чего молчишь, Нугзар, воды в рот набрал?

– Здравствуйте, батоно… Здравствуйте, товарищ Сталин!

– Ну-ну, – похлопал дальнего родственника по плечу Вождь Народов. – Называй меня просто – дядя Иосиф. Мы ведь не чужие, я отца твоего знал и деда знал.

– Дядя Иосиф, можно спросить?

– Спрашивай.

– Мои братья… Их… Их арестовали…

– Знаю, Нугзар. Беда с твоими братьями случилась большая. Много глупостей натворили – зачем болтали, зачем такие слова про власть советскую говорили, заговор делали? Совсем глупые мальчишки! Но ты не переживай – Органы разберутся.

– А можно мне их увидеть?

Строго глянул товарищ Сталин.

– Нельзя, Нугзар. Там следователи, они к ним никого не пускают. Не положено это. Но я попрошу, может быть, товарищу Сталину не откажут, пойдут навстречу. А ты пока располагайся, отдыхай с дороги. Завтра тебе комнату твою покажут в общежитии, где ты жить будешь.

– Спасибо това… спасибо, дядя Иосиф.

– Не за что, дорогой. Близкие люди должны помогать друг другу, так велят наши законы.

* * *

Тревожные думы у зэка, и все про одно и то же – про жизнь и волю. Больше про волю, где нет вертухаев, баланды, натасканных на человечину собак, кума, блатных… где есть женщины в лёгких ситцевых платьях, трамваи и киоски с мороженым, которых, живя там, просто не замечаешь. Но чтобы увидеть волю, нужно сохранить жизнь. И это становится главной целью зэка – выжить любой ценой. И он живёт в условиях, в которых любая собака, любое животное давно бы сдохли. Живёт, несмотря ни на что, не чтобы жить, но чтобы дождаться, уйти за проволоку и начать жить там, на воле. Но когда здесь, на зоне, за ним приходит смерть, оказывается, что и эта никчёмная, мучительная жизнь ему дорога, и он цепляется за дни, часы и минуты своего существования. Удивительно это…

Толчок локтем в бок:

– Чего пригорюнился, студент?

Оглянуться, глянуть. Кто это? Рожа знакомая, но всех не упомнить, лагерь – он большой, а лица все одинаковые, все – исхудалые, с тёмными провалами глазниц и ввалившимися щеками.

– Ты кто?

– Называй меня «Крюк», все меня так кличут.

– А чего так?

– Вишь согнулся, за столом много сидел, бухгалтер я в той жизни. А теперь «мужик». На, кури. – Сунул в руку скрутняк из газеты, что дорогого на зоне стоит.

Взять самокрутку, затянуться. Махра злая, в нос бьёт и лёгкие, до кашля и выступивших на глазах слез. Но табак голод перебивает и голову крутит, печальные мысли отгоняя.

– Крепкий табак… Тебе чего от меня надо?

Не верят зэки в просто так. Не бывает просто так – если тебе что-то дали, обязательно что-то попросят взамен. Иногда жизнь твою.

– Говори.

– Ничего не надо. Говорят, приговорили тебя блатные?

И как ножом по сердцу, как заточкой в бок. Зачем напоминать, когда забыться хочется? Зачем душу бередить, когда ничего изменить нельзя. Воровской приговор он хуже прокурорского, тот еще может сбавить или стенку «четвертаком» заменить, или под амнистию подвести, а эти – нет, эти не помилуют! Этот приговор окончательный без кассаций и жалоб. И даже если вдруг на другую зону переведут – и там они достанут, пусть не сразу, но обязательно, во все края малявы разослав. Не уйти из-под того приговора, не спрятаться.

Смотрит «Крюк» как-то даже весело и не понять, чего ему нужно.

– Зачем тебе про то знать? Или ты от «Кума»?

– Я сам себе кум… Скажи, ты зачем за «Деда» встал?

– Дурак был.

– Это точно. «Деда» один хрен не уберегли, а сами подставились. И ты, и «Летун». Я ведь тоже все это видел и зубками скрипел, да не встал. Потому как последствия понимал – плетью обуха не перешибёшь. Кабы все впряглись да кипешь подняли… Только никто не будет, всяк свою жизнь стережёт, о соседе не заботясь, а урки – они кодлой, поодиночке с ними не справиться.

– Чего говорить теперь – встал и встал.

– А к «Сивому» в служки чего не пошёл?

– Откуда ты знаешь?

– Наблюдательный я. И любопытный. Ты как от него шел, от тебя за версту картошечкой на маслице и лучке жаренной в нос шибало. А чего бы он тебя за просто так кормил? Значит – сватал. А ты отлуп ему дал, иначе на свои нары уже не вернулся бы.

– Гладко пишешь, только не пойму к чему?

– К тому, что сегодня ночью они к тебе пожалуют.

И как морозцем по хребту, так что волосы на затылке зашевелились.

– Кто сказал?

– Слышал. Так что ты парень нынче не спи – бодрствующего они тебя резать не станут, им шум не нужен. И вот на тебе.

– Что это?

– Держи, там посмотришь.

В ладонь ткнулась какая-то холодная железка. Заточка, из арматуры сработанная. Пощупать пальцами: рукоять – тряпка, в несколько слоёв накрепко проволокой примотанная, остриё, как шило, зачернённое, на конце – калёное.

– Откуда?!

– Оттуда, где уже нет. Обращаться-то с инструментом умеешь?

– Не очень.

– А надо – очень. С волками жить – по-волчьи клыками клацать. Коли не резал никого – с блатными не совладаешь, они в этом деле мастаки, не одну душу на небеса спровадили. Но ты вот что – ты ненароком инструмент сей им покажи – полезно им будет его увидеть.

– Зачем?

– Затем, что свои шкуры дырявить им резона нет, не любят они, когда им дырки в ответку прокалывают. Увидят заточку, сообразят, что им тоже прилететь может. Зарезать, конечно, они тебя зарежут, по-всякому, но, может, и ты кого зацепишь. Они же не знают, что ты в этом деле сосунок. Так что сразу не сунутся, будут случая подходящего искать.

– Не смогу я – усну.

– А ты не спи! Продай, что хошь, чаю купи, чифирь завари.

– Ладно, одну ночь вытерплю. А вторую?

– Вторую я тебе подмогну – полночи ты посторожишь, полночи я. Всё легче будет.

– Для чего тебе это?

– Не люблю, когда хороших людей как баранов режут.

– Да ведь всё равно – не сегодня, так завтра. Бессмысленно всё это!

– Э-э, нет, парень, завтра не сегодня! Жизнь, она в каждую следующую минуту может так повернуться… Человек предполагает, а господь располагает. А он повыше любого прокурора сидит! Так что давай не дрейфь. Я теперь рядом с тобой лягу, может, еще кого подтяну, кто в драку не сунется, но лягнет тебя, чтоб проснулся. Ну всё, бывай. И нос раньше времени не вешай!

Ушёл «Крюк», на прощание махнув, и как-то легче стало, не потому даже, что надежда появилась – какие тут надежды, но потому, что кто-то руку протянул…

* * *

Стоит на полянке заляпанный по самые стекла «Виллис», подле которого толкутся два офицера и гражданский. Что-то смотрят, руками показывают.

– Поганое место.

– Что так?

– Подъезды – одна-единственная грунтовка, не дорога – слёзы. Пройдёт сильный дождь – хрен выберешься, и объезда нет. С той стороны – болота, с другой – озеро, между – более-менее сухой перешеек. И с другой стороны не подберёшься, там сплошные нехоженые урманы. Мешок! На хрена сюда забираться? И сам путь вёрст сорок – пока зэки дойдут – четверть помрёт.

А вот и хорошо, что мешок и только одна дорога.

– Опять же до центра – семь вёрст киселя хлебать, ни в кино офицерам не сходить, ни в магазин, ни жёнам куда-нибудь в продмаг или школу устроиться. Гиблое место. Ты бы поближе чего выбрал.

– Здесь!

– Ну, хозяин-барин. Нам приказано оказывать содействие… Едем? А то скоро вечер, комарье поднимется, жрать поедом начнёт.

– Поехали.

Офицеры попрыгали в «Виллис», который тут же рванул с места…

* * *

– Разрешите доложить, товарищ Сталин!

Сталин поднял голову от бумаг, разложенных по столу. Много у него было писанины, не все доверял он помощникам, больше старался сам.

– Докладывай, коли есть что сказать.

– Так точно, есть! Команда собрана – сто человек, все с боевым опытом, по лёгким статьям, многосемейные. Место определено…

– Что дальше делать станешь?

Растерялся Александр Михайлович, не зная, что ответить. Откуда ему знать, что дальше делать, когда он не понимает для чего людей подбирал? Не рассказывает лишнего товарищ Сталин.

– Не знаю. Лагерь построим, людей туда привезём.

– Для чего?

– Чтобы продолжить отбывать наказание.

– Зачем такое слово «отбывать»? Работать они должны, учиться.

– Чему? Простите, товарищ Сталин.

– Не знаю. Это ты мне сказать должен. Хочу их на охрану поставить важных для меня людей, чтобы они берегли их пуще глаза своего.

– Они в МГБ работать будут?

– Нет… Не верю я МГБ. Расслабились они, зазнались – плохо службу несут. Совсем плохо. О пайках думают, о наградах, совсем о службе не думают! А ну как врага просмотрят? Пусть еще, пусть другие будут – кашу маслом не испортить.

Растерялся Александр Михайлович. Уверен он был, что «Хозяин» новую службу внутри Министерства госбезопасности создаёт. А выходит, что нет?

– А в чьём тогда подчинении эта… эта новая служба будет?

– Хороший вопрос. Молодец! Если их в МГБ отдать или милицию – разбалуются они, станут как те, другие. Пусть они никому не подчиняются, пусть мне подчиняются. Разве плохой товарищ Сталин начальник?

– Никак нет! Самый лучший!

– Ну вот. Пусть только я командовать ими буду. Один. Ты их научи охрану нести – за врагом смотреть, узнавать про него всё, стрелять, бегать… Ну, ты сам подумай. Мне такие бойцы нужны, чтобы лучше всех!

– А если МГБ узнает?..

– Как узнает? Кто им скажет? Товарищ Сталин не скажет. Или ты скажешь?

– Никак нет!

– Ну, вот видишь? Все молчать будут. Для чего МГБ про это знать – они обижаться начнут, палки в колёса вставлять. Знаю я этих военных, ревнивые они, как… жена. Пусть ничего не знают. Пусть лагерь будет и заключённые. Кто разбираться, кто спрашивать станет? Лагерей много… Но ты еще подумай, как сделать так, чтобы любопытные туда нос не совали, ты же умный.

– А если сами… заключённые, я хотел сказать охранники, кому-нибудь расскажут?

– Это нехорошо будет. Плохо будет. Зачем языком болтать… Нельзя так! Надо как на фронте, что если кто-то к врагу перебежал, то высшая мера соцзаконности. И еще наказывать не только его, но и родственников, чтобы все отвечали! Тогда ничего не скажут.

Так вот зачем братья, сестры и жены с детьми! Чтобы стали они заложниками, что если сболтнёт кто что лишнего, то близких его в ссылку отправят!

– И вот что еще… – задумался товарищ Сталин, трубку помял. – Пусть они все друг друга не знают. Зачем всем всех знать?.. Пусть один – пятерых знает или десятерых. Если предатель найдётся, он только про них расскажет. Мы, когда революцию делали, тоже всех не знали, только свою пятёрку, только ближних друзей. Когда к жандармам в лапы попадали, ничего больше рассказать не могли. Надо помнить об опыте старших товарищей. Пусть так будет.

– Хорошо, товарищ Сталин.

– Вот видишь как мы с тобой всё хорошо придумали.

– Можно еще вопрос?

– Говори.

– Я про деньги. Чтобы лагерь… чтобы учить… Там ведь еда, охрана, свет нужен.

– Охрана? Зачем тебе охрана, пусть сами себя охраняют, они же не заключённые. Пусть сами на вышках сидят, кто их проверять станет? А всё остальное… Я распорядился, всё, что нужно будет, вам выдадут, только вы не сразу берите, а то разговоры пойдут, мол, товарищ Сталин злоупотребляет своим положением… Вы помаленьку берите – сегодня, завтра… А деньги… Вот на первое время чемодан возьми. Там хватит. Мои это деньги, которые честно заработал. А когда они кончатся… Нехорошо будет к товарищу Сталину ходить просить. Неправильно. – Задумался товарищ Сталин. – Когда мы царя свергали, то сами деньги добывали. Эксы мы делали – банки грабили, у богатеев золото

изымали. Ни у кого не просили. Такие отчаянные революционеры были, не то, что нынешнее племя. Я сам участвовал, и в кассу партии миллионы сдавал на борьбу пролетариата против царских сатрапов. Копейки себе не брал! Потом мы на эти деньги оружие покупали, листовки печатали, товарищам нашим на каторге помогали. Благородное дело…

Слушает Александр Михайлович, ушам своим не верит. То есть уши – слышат, а голова не понимает. Что же им, банки грабить – так они же не царские, они свои, советские?! На что намекает товарищ Сталин, что хочет? Не понять. Но если денег не будет, то как быть?

– Ты иди, ты подумай. Если деньги вам давать, МГБ быстро на след нападёт. Спрашивать товарища Сталина станет – куда, зачем, кому? Что на это им товарищ Сталин скажет? Ничего не скажет. Вас спрашивать начнут, допросы чинить. Зачем людей из лагерей брали, если их опять туда отправят? Не правильно это.

Это верно, если МГБ докопается, то всех их и его в том числе… А может, и не на зону даже, а того хуже… Но перед тем все кости на допросах переломают, чтобы до правды дознаться. Прав товарищ Сталин, нельзя им в руки МГБ попадаться.

Странно всё это, непонятно. Хотя понятно, что хочет товарищ Сталин охрану иметь, которая ему принадлежит и только его слушает, чтобы каких-то людей оберегать, может, родственников своих или еще кого. Отдай такую под МГБ или армию и станет всем всё известно. А если не отдавать, то где деньги брать? Если по официальным каналам, если через госаппарат, то по переводам, по счетам, по платёжкам, по бумажкам разным их быстро отыщут. В Советском Союзе учёт финансов поставлен жёстко, каждый рубль отслеживается. Как же быть?

– Ты иди, Александр Михайлович, подумай, с людьми посоветуйся. Чем сможет, товарищ Сталин поможет. Но он тоже не всесилен, он такой же, как все, партийный работник, который отвечает по всей строгости. И если вы подведёте его, то… он тоже заключённым стать может, если партия так решит.

– Ну что вы, товарищ Сталин! Никак нет! Это невозможно. О вас никто, кроме меня, не знает!

– Вот и хорошо. И не должны знать. Товарищ Сталин должен быть выше всяких подозрений, потому что на него весь советский народ смотрит! Ступай, Александр Михайлович, подумай, потом приходи, мы еще подумаем, вместе. Непростое дело тебе поручено, но я уверен – ты справишься…

* * *

Тайга. Вершины елей качают, шумят, птицы летают, белки прыгают… Топоры стучат, и пилы визжат. На самом краю Сибири, где все дороги кончаются, а дальше лишь болота и урманы непролазные, копошатся люди. Много людей – валят деревья, сбивают ветки и сучья, цепляют их, тросом перехлестнув, к грузовикам. Вокруг стоят конвойные в полушубках с автоматами через плечо, присматривают за зэками, чтобы те не сбежали. А куда здесь бежать, когда до ближайшего населённого пункта чуть не сто вёрст, а кругом тайга да топи?

– Поберегись!

Рушится подпиленная сосна, ломая ветки. Облепляют ее люди в бушлатах, стучат топорами, чтобы к вечеру успеть норму выдать да в шалаши залечь. Зябко в них и мокро, но можно вжаться друг в друга и уснуть хоть на пару часов. Скорее бы бараки построить…

С утра снова визжат пилы, стучат топоры. Спешат зэки – погонять не надо.

А там, в километре, на выкорчеванной и выровненной поляне, встают квадратом столбы, на которые те же зэки цепляют колючую проволоку в два ряда, а по углам, на четырёх «ногах» поднимают вышки. Уж так повелось, что зэки сами себе тюрьмы строят, в которых им жить и умирать.

– Поберегись!

Растёт лагерь не по дням, а по часам, как в сказке. Внутрь заволакивают брёвна, из которых скатывают бараки. Бревно на бревно в затёс, сбоку скобы железные вколотить, в щели мох запихать. Крепко строят, надёжно, из целых стволов. Не доски же сюда за тридевять земель вести. А леса вокруг – руби не хочу, хоть целый город строй.

Встали стены. На них тонкие стволы под углом настелили, мох для тепла накидали и сверху дранкой покрыли, как черепицей. Вот тебе и крыша. На окна – решётки навесили из арматуры. Хороши бараки, в тундре о таких мечтать не приходится. Две недели не прошло – стоит лагерь, готовый принять зэков. Пять бараков, столовая, домик охраны и администрации, медпункт, БУР – все как положено. И зэки уже судачат, как им лагерь обживать, только не придётся им этого делать.

– В колонну стройся!

Встали, рассчитались.

– Все?.. Тогда пошли.

Сбоку конвоиры с автоматами, собаки лают, на заключённых кидаются, позади телеги, чтобы больных и доходяг подбирать, и еще крытые машины для конвоя, с горячей едой в термосах и чаем.

Тащится, плетётся чёрная нестройная колонна, извиваясь, как змея, средь леса. Чавкают ноги в жидкой грязи и лужах, поскальзываются, падают зэки, вода с них стекает, капает, мокрые, набухшие телогрейки к земле тянут. Идут… Куда, зачем, то начальство ведает.

Не для себя лагерь арестанты строили. Не для себя…

* * *

Совет был, как в Филях, только за столом не фельдмаршал Кутузов с генералами сидел, а зэки.

– Как же так? – вопрошал «Кавторанг». – Кому же мы служить будем?

– Кому надо тому и будете! На этот вопрос я отвечать не уполномочен. Могу только сказать, что это люди из правительства или те, на кого они укажут. Без подробностей.

Да ведь и сам Александр Михайлович подробностей не знал, в догадках теряясь. Но не делиться же своими сомнениями с зэками?

– Но если мы не в подчинении МГБ, то…

– Не в их!.. Сами по себе! МГБ, равно как милиция и другие госслужбы, о вас не знают и знать не должны. По крайней мере, пока. Такое условие.

Зэки тревожно переглянулись.

Это что за служба, о которой никто знать не должен? И кто тогда они, если не «краснопёрые»? И зачем? И как они охранять кого-то могут без красных с «лепухами» книжечек? Их же любой постовой загрести может. Или всё это какая-то туфта, для отчёта прокурору, и теперь с ними побалуются, а после за побег по полной впаяют и за то звёздочки получат?.. Может, так?

Но, с другой стороны, их же с зоны сняли, и если бы хотели, то давно замели. А они гуляют вольняшками без конвоя, не считая этого офицерика, который один – стукни его по темечку или пёрышком поддень – и на волю. Выходит, не самозванец он, а кем-то посланный? И опера на зоне и даже «Кум», в его услужении бегают, языки набок от усердия свесив, и вызывает он любого заключённого, которого пожелает, и дело его листает!

Совсем растерялись зэки.

– А что же мы делать должны?

– Теперь учиться!

– Чему?

Стушевался Александр Михайлович, потому как сам до конца не знал, чему.

– Стрелять должны, оружием холодным владеть, чтобы от врагов отбиваться… И так, чтобы все всех не знали, чтобы на десятки разбить и охрану лагеря обеспечить… – А больше ничего не сказал – приказал. Офицеры, когда не знают, что ответить, приказы отдают. – Подумайте, как это дело лучше организовать.

Встал. И все встали.

– Доложить мне завтра к утру. Всем всё ясно?

А чего не ясно, когда – ни черта не ясно. Но переспрашивать дураков нет.

Ушёл офицер. Сели зэки в кружок, закурили скрутки.

– Хрень какая-то, мужики.

– Точно. Что скажешь, «Партизан»?

– Про всё не скажу, одно скажу – не нравится мне всё это – душком припахивает. Кому служим – не понять, начальников над нами, кроме… этого – нет и сам он, хрен знает, с какой горы спустился. Не бывает в стране Советов, чтобы над рядовыми бойцами командиры гроздьями не висели. На что мы с Ковпаком сами по себе по лесам шастали и то и политруки над нами поставлены были, и особисты из своих, и трибунал исправно работал.

– То так. Нам на «пятачке», где башки не поднять, тоже каких-то ухарей из особотдела придавали, чтобы настроения среди личного состава выяснять, да кто кому чего лишнего сболтнул.

– И что?

– Ничего, заполнит такой барбос протокольчик и в блиндаж, на нары щёчку давить, – криво усмехнулся «Кавторанг». – А в тот блиндаж или пулька шальная залетит, или гранатка закатится.

– Так что нам офицерика того мочкануть и врассыпную?

– Куда нам без документов? Мы под ним, как кобель на короткой цепи ходим.

– Чего болтать попусту? Может, и туфта всё это, только нам ни один хрен, – жёстко обрезал «Полковник». – Нас с зоны вынули – и ладно. Мы нынче вон тушёнку жрали, а зэки – баланду пустую хлебали. Лично я обратно не хочу. Если

даже в бега подаваться, надо прежде жирок на костях нарастить, да понять, что почём. От добра добра не ищут. Лучше давайте думать, как нам офицерика ублажить… Слышь ты, «Абвер», как там у немцев было?

– Лагерь учебный был на зоны разбит, из одной в другую без пропуска не сунешься. Если занятия, ну там на полосе, стрельбище или на ключе стучать, то одни приходят, другие уходят, не пересекаясь. Для этого специально две двери были – в одну заходишь, в другую выходишь. За этим строго следили. Я свое отделение знал, а больше никого.

– Ну, вот и нам так надо, коли офицерик просит… – кивнул «Партизан». – Меньше знаешь, дольше живёшь. Сдаётся мне, лихое дело тут затевается, коли кто-то не желает, чтобы мы все друг дружку по мордам узнавали. На пятёрки и десятки только подпольщики разбивались, которые под немцами ходили. Знавал я их, когда связником был. Гестапо их возьмёт, да выпотрошит. Следаки немецкие любого разговорить умели – ногти плоскогубцами рвали, как зубные доктора коренные зубы, одним махом, а после сигареты горящие туда тыкали. Всё узнавали, да только дальше пятёрки ходу им не было. Эти бы и сказали, чтобы мук избежать, только не знали ничего. Вот и нам так надобно.

– Что для дела хорошо, а для нас еще лучше, – согласился «Крюк».

– А для нас каким боком?

– Коли МГБ до нас доберётся, так всего не узнают. Глядишь, успеет кто на дно залечь и тем убережётся.

– При чем здесь МГБ?

– При том, что ловить они нас будут пуще, чем английских шпионов. Не знаю, кому это надобно, но желает он нас в пику им натаскать. Чего барбосы эмгэбэшные нам не простят – семь шкур спустят, лишь бы узнать, под кем мы ходим.

Замолчали все. Задумались.

– А точно, под кем?

– Не знаю. Но, думаю, кто-то из вождей наших, желает от особистов прикрыться. Или… «Хозяина» скинуть.

– Ты что такое говоришь? Кто же на такое решится!

– Те, кто под ним ходят, – то есть все! Они теперь начальники, а завтра – девять граммов в затылок в подвалах лубянских схлопочут или по этапу пойдут, как обычные зэки. Мало что ли вы на зоне больших начальников встречали, которых блатные к параше определяли или в прачки бельишко им стирать. Они тоже раньше при высоких чинах были и с Самим за ручку здоровались.

– Есть такое дело, был у нас на зоне один нарком, который в каждой газетке на первой странице, – кивнул «Полковник». – Полгода не протянул. И что интересно, опера и «Кум» его, вместо того чтобы прикрывать, крепче прочих гнобили, может, попросил кто, а может, по злобе. Ну, он и полез на колючку, чтобы его вертухай приложил.

– Точно. Я в банды хаживал и видел… У урок, всё как там, наверху, – все готовы друг дружке горло перегрызть, чтобы сверху оказаться. Кто главарь, тот и жив и нижних топчет. Никто никому не верит, все перья и стволы настороже держат. Может, кто-то из тех, кто в красном уголке на стенке висит и решился… А коли решился, мы в самый раз для такого дела – никого, кроме офицерика, не знаем и рыпаться не будем, а вскроется что, нас в распыл пустят и в землицу закопают.

– Не высоко задираешь?

– В самый раз! Вы сами прикиньте: кто еще мог нас с нар выдернуть? Вот так, запросто? Местным это не по чину, да и не решились бы они. Это только если оттуда, где красные звезды над Москвой горят.

– Так они что, против Самого нас бросят?

– Может быть… Оттого и отбор. Из нас каждый огонь и воду прошёл. Злые мы – скажи «фас», любого перегрызём. Эмгэбэшники – те щенята против любого из нас. Вы сами-то по головам посчитайте: «Полкан» – разведка, через нейтралку к немцам, как домой шастал. «Кавторанг» – душа полосатая, с десантами ходил, врукопашную с фрицами схватывался. «Партизан» – тот целые обозы из-за жратвы резал. Про «Диверсанта» вообще молчу, этот фрицами дрессирован. Я,

«Крюк», в бандах свои университеты прошёл. И других таких же мы сами подбирали – головорез на головорезе. Такая компашка много чего натворить может, прежде чем ее «краснопёрые» из автоматов покрошат.

– Но как же мы?.. Он же вождь!

– А кто нас спросит? Или нас запросто так тушёнкой американской кормят, как на убой? Бесплатный сыр – он только у «Кума» в кабинете!

– Верно. Нет нам хода назад. Даже если обратно на зону вернуться – не жильцы мы, в первую же ночь нас порешат. Свидетели мы: то знаем, чего не положено, хоть и не знаем ничего. Так что придётся верой и правдой. А там или ишак, или султан…

– Или всё царство.

– Ну, или так. Наше дело зэковское: день прожили – и ладно. А если с харчами, да в тепле, да под одеяльцем, то чего еще желать!..

* * *

А вот и список: автомобили грузовые – три штуки, запчасти к ним и бочки под горючку, туши свиные и говяжьи, мука, крупы, сахар, тушёнка американская в ящиках, столы-стулья, подушки с одеялами и даже простыни, инструмент разный шанцевый и плотницкий, электрогенератор бензиновый – аж два, бушлаты – триста, сапоги – кирза и хромовые – тоже, полушубки овчинные для охраны, валенки, лыжи… Длинен список…

Чешет снабженец макушку, вздыхает. Где столько взять, а главное, как списать? Потому как выдаёт всё не по накладным, а под личную просьбу начальства. Ну, да ладно, списать не вопрос – много чего через зэков на сторону уходит. Но коли теперь всё это отдать, что себе останется? Это же полгода придётся на бобах сидеть. Ну, или другие лагеря подурезать. А может, и так. Зэкам всё одно голодать, чай не помрут, а помрут – туда им и дорога изменникам и шпионам. Чего их жалеть…

– Сидорчук? Твою маму! Где ты там?

– Здесь я, товарищ майор!

– Начинай отгрузку.

– А накладные?

– А в рыло?.. Что, хочешь в ВОХР пойти с хлебного места, на вышке с автоматом в тулупе торчать? Я тебе устрою! Отгружать – я сказал! Да язычок не распускать, а то вмиг тебе его укорочу!..

* * *

– Дерьмо лагерь, – вынес вердикт «Кавторанг». – Ни в какую армию, тем более в военно-морской флот…

– Чего так? Лагерь как лагерь – с иголочки! Всё как положено: и бараки, и вышки. И дорога к нему одна – соорудим там НП, мышь мимо не проскочит.

– «Краснопёрые» не мышь, их не остановишь. Надо мины и пулемётные гнезда ставить или что-то придумать… Слышь, «Партизан», вы чего делали, чтобы фрица в лес не пустить?

– В лес они и так сильно не совались, а деревни, где раненых выхаживали, случалось, карантином прикрывали.

– Как это?

– Таблички кругом вешали. «Achtung: cholera!», ну или оспа.

– И что, велись они на эту туфту?

– Когда как. Коли велись – уходили, потому как сильно заразы боялись. Они же нас швайнами считали и свои арийские организмы берегли, платочки с собой носили и одеколоном ручки протирали. А если не верили – жгли деревню до головешек вместе с ранеными и народишком, с бабами и детьми малыми.

– Ну немчура!

– Ничего, мы их тоже не жаловали, коли в плен брали, отрезали что лишнее, в глотку толкали и в сугробы при дороге вмораживали. Как столбики верстовые. Такая война была. Партизанщина – это вам не фронт, там никто не стеснялся, ни они, ни мы… А с холерой после приспособились и стали подходы густо дерьмом жидким поливать, да кровушкой куриной или свиной взбрызгивать – впечатляло их это. Зайдут в кусты, глянут, глазки выпучат и назад.

– Хорошее дело. Может, и мы?.. Поставим таблички «Карантин! Особлаг! Въезд запрещён!». И обгадим всё вокруг.

– Наших дерьмом не напугать. Видали они его. Нужно второй лагерь ставить.

– Где?

– Дальше, там, в болотах. А этот для прикрытия оставить с зэками, чтобы всё привычно глазу. Этот лагерь, если что, накроют, а дальше не сообразят.

– Хорошая придумка. Снабжение всё, продукты, имущество через первый лагерь везти машинами и подводами, не скрываясь, а дальше на лошадях или горбу растаскивать. Тогда точно никаких подозрений. Ковпак таким хитрым манёврам научил?

– Фрицы. Базы партизанские накрывали так, что от нас пух-перья летели. Местные им дорогу укажут, они ночью часовых порежут, а утречком кофе попьют и по всем правилам их уставов давай нас в хвост и в гриву! Вояки-то они знатные были, обкладывали отряд со всех сторон, как волков, а потом минами забрасывали и огнемётами жгли. Редко кто уходил. А коли два лагеря было, то первый они разоряли, а дальше не шли, считая, что задачу выполнили. Так хоть кто-то выживал.

– Дельно. Пусть так и будет, – согласился «Крюк». – В первом лагере зэков на карантин посадим, а остальных – в дальние определим. С НП на перешейке провод размотаем, что бы если что – вовремя предупредили. Дороги разобьём. Пока колонна до лагеря по ямам и грязи буксовать будет, мы успеем марафет навести и лишних зэков в леса убрать.

– На том и порешим… Ну что, пошли тайгу топтать – место подходящее искать?..

* * *

Не спать… Не спать… Главное – не спать! Уснёшь теперь и уже не проснёшься. Не спать!..

Но тяжелеют, слипаются веки, падают на глаза, как мешочки с песком. Трудно зэку не спать, когда он весь день на общих лес валил, да еще на делянку и с делянки пять вёрст пешим порядком топал в грязи по колено. Как тут не уснуть, когда только сон зэку отдых и обещает?

Не спать!..

Ущипнуть себя за ухо, крутануть мочку до боли. Закусить губу.

Не спать!..

Рядом зэки тяжело во сне ворочаются, храпят, вздрагивают. И хочется к ним прижаться, чтобы хоть немного согреться и уснуть. Уснуть… Но нельзя!

Не спать!..

И мерещится барак, а в нем полумрак и печка, там, в блатном углу, и кто-то крадётся тенью вдоль прохода, сжимая в руке финку. Да не один, а трое их, все друг на дружку похожие, все с фиксами и злобными выражениями лиц. Вот сейчас подкрадутся и ударят в три ножа его, кромсая тело. И страшно, очень страшно, невыносимо страшно! Обхватить, сжать рукоять заточки, выставляя вперёд остро заточенное жало. Чтобы не спастись, но продать жизнь подороже, пырнув кого-нибудь из своих убийц. А они крадутся, не видят, что он не спит. Всё ближе и ближе.

Напрячься всем телом, приготовиться… Ну же, ну!.. Вот они – рядом. Исхитриться, привстать, прыгнуть навстречу заточкой вперёд и ударить первого в живот что есть силы. Но куда-то провалилась заточка, как в пустоту, как в тень вместо человека, и лицо перед самыми глазами, которое скалится и финка против груди. Вот сейчас, сейчас, она пробьёт кожу и мышцы и, протиснувшись

меж рёбер, ударит в самое сердце!..

Удар ноги. И еще!

– Тихо! Смотри…

Открыть глаза. Увидеть. Тот же самый барак, что во сне, с той же печкой. И человек, который неспешно идёт по проходу. Один идёт, сунув руки в карманы штанов. «Фифа»!

Шепоток в самое ухо:

– Не дёргайся раньше времени. Пусть подойдёт.

Нащупать, обхватить рукоять заточки уже не во сне, уже наяву. Почувствовать в руке смертоносное оружие.

Идёт «Фифа», вихляется, как на шарнирах, и ухмылка на лице играет. Но глаза серьёзные, как щёлки, глядят по сторонам.

Подошёл к нарам. Склонился бесшумно, не дыша. Ощерился. Потянул из кармана заточку.

Толчок в ногу. Пора!

Открыть глаза, приподнять голову, ткнуть вперёд заточку.

Заточка против заточки. Глаза против глаз! Оскал против оскала!

Смотрит «Фифа», на заточку смотрит, на острие ее калёное, которое легко может тело его пробить. Не прост доходяга, не хочет жизнь свою по дешёвке отдавать, вон как зенками зыркает.

Стоит «Фифа», не знает, что дальше делать. Вперёд броситься, чтобы ударить, чтобы первому успеть?.. Конечно, можно, и даже убить можно. Но издыхая, этот доходяга его пырнуть снизу-вверх успеет. И тогда всё – амба, кончится жизнь

блатная!

Стоит «Фифа» смотрит, прикидывает, как обмануть противника, как ловчее в него заточку ткнуть. Но настороже зэк и не боится. Нет, не боится, готов драться, готов убивать.

Зашевелился кто-то рядом, вздохнул, голову приподнял.

– Чего тут?

Усмехнулся «Фифа» во весь рот, отшагнул, прокрутил в пальцах заточку. И пропала она, словно ее не было. Пошёл, подметая штанинами пол, что-то насвистывая. Оглянулся, подмигнул весело. Мол, ничего, не боись – достану, не сегодня так завтра. Пошёл в свой угол.

Шепоток в ухо:

– Как ты?

– Нормально.

Хотя трясутся руки и заточка, сведёнными пальцами схваченная, ходуном ходит. И зубы стучат и испарина по всему телу.

– Спасибо.

– Не меня благодари, «Крюк» за тобой присмотреть велел. Я бы сам не стал.

– Всё равно спасибо.

– Ладно, спи. Дальше я покараулю. Сегодня, считай, пронесло…

* * *

Первая партия зэков прибыла пешим этапом. Пятнадцать человек.

Вместе с ними прикатили их дела, в каждом из которых был пришпилен приказ о переводе их в «Особлаг», где должны были содержаться больные зэки с опасными инфекциями, и выписка из тюремной больнички. Нельзя их было на месте лечить, эпидемия могла случиться, вот их и отправили…

Зэков приняли, построили, пересчитали. А дальше чудеса начались.

– В баню шагом марш!

Так ведь баня настоящая, с водой горячей, которой вволю – плескайся, не хочу! И мыло, куски целые! И полотенца вместо случайных тряпок. И на улицу сразу не гонят, обсохнуть дают!

– Подходи, получай обмундирование!

Одежда новая, ненадёванная, не с трупов снятая. Без пятен, дыр и вшей, копошащихся в швах! И по размеру!

– Стройся! В столовую шагом марш!

А в столовой – что за черт! – похлёбка наваристая, в которой жир сверху плавает! И хлеб по три куска, да не из опилок, а настоящий зерновой! И чай сладкий! – какого зэки отродясь не пивали, и еще кусок хлеба-черняшки к нему!

– А ну, не жадничать, а то кишка за кишку заплетётся! Медленно ешь, вдумчиво!

Жуют зэки, переглядываются, и в глазах их не радость – испуг, потому что не понимают они, что творится, а чего заключённый не понимает, того он страшится. Чего их вдруг кормят?

Доели всё, миски выскребли, вылизали, крошки со столов в рот смахнули. Чистота – метёлки не надо – ни крошки, ни капли мимо рта не пронесли!

– Выходи строиться!

Вышли осоловелые, еле ноги передвигают. Так ведь сытые, почти – сытые, чего много лет не испытывали.

– В барак шагом марш!

Барак обычный, только отчего-то на секции разделён, и в каждую свой вход отдельный. Ну потому что – карантин, не должны «больные» соседей видеть, чтобы заразу не подхватить. Внутри печки и нары, из досок сколоченные, но на нарах матрасы, а на матрасах подушки! И одеяла, и простыни две! Как в больничке. Или это больничка и есть?

Разбрелись зэки, подушки и матрасы трогают, словно глазам своим не веря.

И команда, которая уж совсем ни в какие ворота:

– А ну не шататься тут по отсеку, отбой! Спать всем четыре часа до ужина!

Спать? Не на общие лес валить, не отхожие места чистить или землю ломами долбить – спать! Упали зэки и в сон провалились, едва подушек головой коснулись. И это был первый за всё время сон, где им не снилась еда!

* * *

– Ну что, Нугзар, как тебе учится?

– Спасибо, дядя Иосиф. Учусь. Хотя трудно, я в школе много пропускал, некогда было, я в горах стадо пас, семье помогал.

– Ну, ничего, ничего, нагонишь. Ты мальчик умный.

Смотрит Нугзар на дядю Иосифа благодарно, потому как тот его, простого деревенского мальчишку, в Москву привёз, в университет определил и комнату в общежитии дал. Просто сказка какая-то!

– Слушай, Нугзар, ты хотел с братьями повстречаться?

– Да, дядя Иосиф. Очень хотел!

– Не получилось у меня – пытался договориться, но не смог. Прости. Сам лично товарища Абакумова за тебя просил, чтобы поверил он товарищу Сталину и свидание разрешил. Но нельзя. Пока следствие не закончено – нельзя. Такой порядок. После, может быть, разрешат. А вот документы мне дали. Ты посмотри, почитай. – Двинул по столу какие-то папки.

Взял их Нугзар, открыл. А там, на первых страницах фотографии братьев его на фоне серой стены. И номера какие-то.

– Ты читай, читай.

Читает Нугзар. Хмурится. Сознались братья его в том, что враги они строю советскому, что измышляли вред землякам своим наносить – тракторы портить, провода резать, в колодцы яд бросать – и что желали самого товарища Сталина извести.

Читает Нугзар и не верит – как такое может быть? Он с братьями своими вместе рос и знает их лучше всех – какие они враги народа? Но только чёрным пером по серой бумаге про то написано. И еще показания сельчан есть, которых они на злодейства подбивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/il-in_andrey/po-tu-storonu-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить